

Кукушка

Автор:

Натали Дэниелс

Кукушка

Натали Дэниелс

Триллер-клуб «Ночь»

Идеальное чтение для поклонников Алекса Михаэлидеса и его «Безмолвного пациента». Триллер с самой трендовой сегодня темой: экспрессивное противостояние психиатра и его подопечного. В яркой психологической драме Натали Дэниелс плетет диковинный узор из двух сознаний, лабиринт, из которого нельзя выбраться иначе кроме как с бешено бьющимся сердцем.

Конни очнулась в психушке. Некогда цветущая красotka, хорошая мать и успешная журналистка, она превратилась в бесполой полутруп с жидкими волосами и ожогами по всему телу. Как? Почему она не способна вспомнить многое из своего прошлого?

Люди до сих пор содрогаются от того, что сделала эта безумная. Но психиатр Эмма Дейвис видела и не такое. Она бесстрашно ведет пациентку по закоулкам ее личного ада, чтобы помочь найти выход оттуда. Помочь вспомнить и трагедию, и то, что к ней привело. Постепенно Эмме становится ясно, почему неудачный брак и жуткая женская дружба подтолкнули несчастную к неопишeмому кошмару.

Или ее просто умело обманывает эта жестокая женщина, которой нет прощeния?

«Жестокий, беспощадный взгляд на суть любви, верности и предательства».

Publishers Weekly

Натали Дэниелс

Кукушка

Natalie Daniels

Too Close

© Юшенкова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Когда идут лавиной беды, кто может их остановить?..

Эврипид. Медея

Начало всего

Удивительно: ее всегда называют красавицей. Более того, ее красота стала фактом настолько непреложным, что сомнения давно забыты. Скажу, однако, что много лет назад, при первой встрече в парке, я ничего особенного не заметила; ее красота сразила меня далеко не сразу. Она была невысокого роста,

с творчески растрепанными светлыми волосами и голубыми жилками на висках. Под темными глазами залегли мешки – как мне хорошо известно, это именуется «материнство», – и с определенного ракурса казалось, что ей хорошенько врезали по веснушчатому носу. Обращала на себя внимание манера искоса смотреть на вас большими темно-кариыми глазами. И еще она часто моргала. В целом она произвела на меня впечатление человека тревожного.

Я опоздала за Энни в садик и обнаружила, что моя дочка одиноко сидит у стены на скамейке под пустой вешалкой и гордо держит в руке палочку для леденца со смятой красной бумажкой на конце.

– Солнышко, прости мамочку! – произнесла я, опускаясь рядом и облегченно переводя дух. – Что это у тебя такое?

У Карла выходило лучше; какую бы ерундистику дети ни приносили из школы, он восхищался, словно лицезрел творение юного Леонардо да Винчи. Дай этому барахольщику волю, в доме шагу нельзя было бы ступить от пластилинового хлама и гофрированной бумаги в кляксах краски. Точь-в-точь как иногда показывают по телику.

– Это мак.

Господи, ну конечно! Приближался День памяти[1 - День памяти павших, известный в народе как Маковый день, – памятный день в странах Британского Содружества наций, отмечаемый ежегодно 11 ноября; в это время чествуют память всех солдат Британского Содружества, погибших в конфликтах с участием Великобритании.], и воспитатели не упускали случая стимулировать в подопечных творческие способности.

– Какой красивый! А ты знаешь, почему мак? Для кого он?

Пусть я опаздываю, забываю про рождественские концерты и барбекю, но, боже ж ты мой, как могу, просвещаю своих чад!

Она подняла глаза и протянула мне палочку.

– Для тебя?

– Нет, я имею в виду, почему ты его сделала? В честь кого?

– Чтобы помнить.

– Умница!

Вундеркинд, а не ребенок.

– Кого помнить?

Она понятия не имела. Покачала головой, трясая ангельскими кудряшками. В который раз я подивилась, как это у меня вышла такая лапусечка.

– В честь солдат, которые погибли на войне! – изрекла я нелепо-весело.

Энни широко распахнула глаза, губки ее удивленно изогнулись. В голове вращались маленькие шестеренки. Она нахмурилась и медленно повернулась, чтобы рассмотреть позади стену из шлакобетона. Осторожно тронула пухлыми пальчиками шлепки замазки.

– На этой стене?

Невероятно умилительная, так бы и съела.

– Давай купим конфеток и пойдем в парк! – предложила я.

Энни убежала вперед, набив полные щеки разноцветным шоколадным драже. Сорвиголова! К тому времени как я ее догнала, она, выпятив нижнюю губу, стояла на детской горке и с пунцовым от горя личиком глядела на яркий пунктир из конфет, отскакивавших от лестницы и падавших на игровое покрытие. А другая маленькая девочка подбирала их и поспешно заталкивала в рот.

– Нет! Нет! – кричала Энни, в ярости глядя сверху на соперницу.

Другая родительница сначала ничего не заметила, занимаясь чем-то на скамейке со старшим ребенком, а потом присоединилась ко мне, подбирая драже и выговаривая, как положено, своей дочке:

– Ай-ай-ай, Полли! Нельзя брать чужое!

И знаете, любопытный факт: меня в ее голосе что-то насторожило. Не тембр, низкий и спокойный, не слова – в них не было ничего примечательного. Возникло почти неосязаемое, утробное чувство. Голос одновременно глубоко успокаивал и глубоко тревожил. То же самое у меня с церковными колоколами. Совсем путано говорю, да?

Многие годы я считала нашу с ней встречу ярким примером того, как не нужно доверять первому впечатлению, какое оно бывает обманчивое. Потому что в начале всего этого я ощутила к ней необъяснимую, но отчетливую неприязнь, словно меня потянули сзади за крылья. Верховный кукловод о чем-то предостерегал.

Мы перебросились вежливыми фразами и сели на скамейку, а трое девчонок, немедленно сдружившись и с завидной детской легкостью позабыв свои горести, отправились искать улиток.

– Живете рядом? – поинтересовалась я.

– Да, за бассейном. – Она неопределенно повела подбородком. – Только что переехали.

– О! А на какую улицу?

– Бакстон-роуд.

– Правда? Где именно?

Выяснилось, что мы соседи. Она жила буквально за углом. Собственно, я видела ее дом из задних окон. Стало очевидно, что наши жизни будут связаны, и беседа потекла в новом русле. Почему мы, женщины, так стремимся завязать близкую дружбу? Двое мужчин на нашем месте вообще не стали бы разговаривать.

Я открыла контейнер с остатками дочкиного завтрака и ковыряла раскисшую клубнику, а разговор плавно перешел с нашего района и отпрысков на нас самих.

– Чем занимаетесь? – спросила она.

– Пишу.

– Я тоже пишу! – отозвалась она без паузы или дальнейших расспросов.

Манера ответа, его поспешность, показалась сопернической – меня снова потянули за крылья.

– А что пишете? – спросила я, предлагая ей мягкую клубничину, от которой она отказалась.

– Стихи...

Я пригляделась внимательнее. Занятно – в сочинении стихов, как правило, не признаются.

– ...Когда находит вдохновение, – добавила она.

Извините за снобизм, конечно, но это не «пишу». Это «пописываю». (Писатель не может позволить себе роскошь дожидаться музыки; он прикладывает руку ко лбу и кропает текст, идет на риск, прозябает в нищете, становится рабом искусства и жертвует ради него всем.) Я не озвучила эти мысли, однако ударила ниже пояса:

– Зарабатываете стихами?

– Нет-нет.

Вот, это я и говорю: она не пишет!

– Я занимаюсь... точнее, занималась... художественными галереями. Запачкались... – Она показала, что у меня на подбородке клубничный сок.

Я вытерла. Она покачала головой. Я опять вытерла.

А потом – может, вы возразите, сочтя, что так поступит любая мать – она сделала нечто странно интимное: лизнула палец и принялась тихонько тереть мне подбородок. И пока она его терла – пятнышко упрямо не поддавалось, – я невольно ее разглядывала. Веснушки, контраст светлых волос и карих глаз... Только хотела спросить про галереи, как она вдруг произнесла:

– Вы очень приятно пахнете. Что это?

И снова, согласитесь, необычная интимность! При первой встрече сказать человеку про его духи... Я, однако, падка на комплименты и, видимо, просияла.

– Спасибо! Лайм и базилик, «Джо Малон».

Она улыбнулась. У нее были хорошие зубы, ровные и белые, как в рекламе.

– Роскошный запах!

Я тоже так считала, но очень приятно, когда на это указывают окружающие. Почему мы, женщины, льстим? Полагаю, это примитивная тактика выживания, потому что к ней прибегают все (с учетом того, где я оказалась, не все – одинаково успешно). Оглядываясь назад, думаю, что именно комплименты заставили меня закрыть глаза на явственные предостережения свыше. Какое убожество!

– Чем занимается ваша половина? – спросила она.

– Консультант по коммуникациям.

Этот ответ обычно кладет конец расспросам. Так произошло и теперь.

– А ваш муж?

– Жена, собственно говоря... Работает на телевидении.

На сей раз заткнулась я. Лесбиянка! Прямо глоток свежего воздуха! Этому району пойдет на пользу любое разнообразие. Школа с каждым годом становится белее и блондинистее, родители – однородными, с растущим числом мужчин в оранжевых вельветовых брюках и женщин с блестящими киношными волосами. Немедленно захотелось расспросить про детей: кто биологическая мать? кто отец? как они вас называют? Очевидные животрепещущие вопросы, которые мы боимся задавать. И менее очевидные: как она поняла, что лесбиянка? Ужасно любопытно. Я всегда была в доску традиционной, идея заняться любовью с женщиной меня никогда не прельщала. Я любила мужчин, их тело, непохожесть, напористость. Разумеется, ничего я не спросила – корчила из себя крутую, которой на все это решительно плевать.

– Красивая у вас челка... – добавила она. – Посоветуйте хорошего парикмахера! А то я совсем не знаю этот район.

Она поглаживала расстрепанные пряди, глядя на меня краешком глаза. Должна признаться, в тот день я была особенно равнодушна к лести – недавно подстриглась и порядком комплексовала, очень подозревая, что смотрюсь а-ля тысяча девятьсот семьдесят четвертый, не в хорошем смысле. Парикмахерша несколько увлеклась, и, бросив напоследок взгляд в зеркало, я увидела свой профиль – конструкция смахивала на чуб ухоженной морской свинки.

– Конечно! Рядом с библиотекой неплохо стригут, – отозвалась я, нагибаясь, чтобы лучше видеть Энни, которая подозрительно слонялась туда-сюда – было у нее обыкновение подкакнуть где-нибудь в кустах. Дикий мой ребенок!

– Кстати, я Несс! – произнесла моя собеседница.

– Конни, – ответила я, пожимая протянутую руку.

Узы были созданы.

Сейчас кажется, что все это случилось давным-давно, в прошлой жизни. В те времена, завидя в вонючей подворотне скорчившегося бездомного, я беспечно думала: как тебя угораздило? Теперь я знаю ответ – проще простого! Люди полагают, что деградация идет постепенно, а на самом деле жизнь может круто измениться в одно мгновение. Причем совершенно случайно – например, когда кто-то вдруг решил переехать на Бакстон-роуд.

Глава 1

Смотрю в окно на голое, стонущее дерево и в который раз пытаюсь осознать свое состояние. Меня словно по ошибке положили не на то место; я понятия не имею, где нахожусь. Даже тело свое не узнаю. На левом запястье глубокие порезы. Правую руку, живот и бедро словно окунули в красную краску. Сморщенная шелушащаяся кожа покрыта рубцами. И все же я постепенно привыкаю к этим стенам. Знаю, например, что сейчас одиннадцать утра – в коридоре слышны шаги Скрипухи. Она крайне пунктуальна. Вряд ли я здесь долго, хотя могу и ошибаться. Дни похожи друг на друга. Скрипуха полагает, что по утрам я ничего не делаю, но вообще-то я концентрируюсь. Сегодня за окном бушует ветер – даже погода не может определиться и без конца меняет планы. Мое внимание, однако, предельно сосредоточено. Я изучаю листик на дереве. Занимаюсь этим с тех пор, как попала сюда. Он висит на самой макушке. Сад идет под уклон вниз, к речке, – так мне сказали. Говорю «речке», хотя, скорее всего, это замусоренный ручей. Лондон, как-никак... Одинокий листок бешено трепещет; по какой-то неизвестной причине он держится за жизнь, несмотря на очевидную бесперспективность этой затеи. Не перестаю восхищаться его храбростью.

Скрип-поскрип, стук-постук. Она уже рядом. Не могу оторвать взгляд от листка; боюсь, что он только того и ждет, чтобы отпустить ветку. Иногда по ночам так тревожусь, что встаю с постели, поднимаю жалюзи и ищу его глазами в оранжевом свете уличного фонаря за забором.

Скрипуха отпирает дверь, машинально стучит и, не дожидаясь ответа, входит. Мне плевать. Я могу делать перед ней что угодно. У нее добротные туфли на каучуковой подошве, она давно уже принесла элегантность в жертву комфорту. Скрипит тележка на колесиках. Скрипуха останавливается передо мной, и я вынуждена оторвать взгляд от дерева. Сегодня она особенно непривлекательна: лоб весь в буграх и пятнах, на опущенном уголке рта – простудка.

– Доброе утро, – невесело произносит она, протягивая лекарство и наливая воды из казенного пластмассового кувшина, который когда-то был прозрачным, а теперь покрыт изнутри серой пленкой.

Вода тепловатая и отдает пластиком. Глотаю таблетки.

– Больно, – замечаю я, с трудом узнавая собственный голос, такой он сиплый.

– Естественно, Конни.

Она стоит, я сижу. Моя голова на уровне ее плеч. Под мышками на голубой униформе темнеют пятна пота. Я сама известный потельщик и даю совет.

– «Перспирекс», для тех, у кого обильное потоотделение. Продается в аптеке. Попробуйте – помогает.

Она мало обращает внимание на то, что я говорю, а сейчас еще и пробегает краем глаза «Дейли мейл» на тележке. Ей не разрешено давать мне газеты.

– С какой стати я буду следовать вашим советам, Констанс? Кто из нас вечером возвращается домой, я или вы?

Хамка.

– Нельзя так разговаривать с посетителями.

– Вы не посетитель, – отвечает она не без сочувствия и протягивает мне две голубые таблетки.

Читает передовую статью под фотографией террориста с косматой бородой. А может, не террориста, а кинозвезды. Удивляюсь популярности образа религиозного фанатика. С каких это пор стало модным взрывать людей? Говорю точь-в-точь как мама.

– Кто-нибудь приведет ко мне мать?

– Вам не надоело прикидываться? – отвечает она, поднимая глаза.

Потом что-то вспоминает, наклоняется, до предела растягивая толстыми ляжками полиэстер брюк, и извлекает с нижней полки тележки хлипкий

старенький ноутбук. Неодобрительно вздыхает и кладет рядом со мной на стол.

– Доктор Робинсон просила передать. Батарея заряжена.

Гадаю, получится ли выйти в Интернет.

– Интернета нет, – угадывает она мои мысли.

Любит высосать последний воздух из обрывков парусов.

– Значит, обойдемся без ослиного порно!

Настроение у меня выше среднего.

Скрипуха показывает зубы. Не улыбка, а оскал. В который раз отмечаю, что зубы у нее очень приличные. Немного скошены внутрь, как у акулы. Потом вспоминаю, что я у нее на плохом счету.

Вчера или позавчера мы с Чокнутой Ситой смотрели в телекомнате телик. Там нет ничего, кроме экрана, который привинчен к стене, дивана и пластмассового стула, которые тоже привинчены. Повторяли «Стесняюсь своего тела». Чокнутая Сита влюблена в блондинистого доктора. Совсем на нем свихнулась. Мечтает оказаться с ним наедине в белом кабинете какого-нибудь медзаведения и интимно рассказать ему про свой псориаз. Мы обе обожаем это шоу и все время просим включить его по бесплатному каналу. Чужие конфузы неизменно улучшают настроение – беспроектный рецепт. В тот день блондинчик копался в складках плоти Шэрон из Хартлпула в поиске неуловимых генитальных бородавок. Сама Шэрон едва могла дотянуться до своего южного полюса, не говоря уже о том, чтобы его увидеть. Но мы-то могли. И, по разным причинам, были совершенно очарованы. Интимное место светловолосой Шаззы напоминало маленького спящего зверька, уютно свернувшегося в стоге сена. Соню, например. В то же время было в нем что-то такое унылое и одинокое, что мне взгрустнулось. А вот Чокнутой Сите – нет. Она развалилась на диване и беззаботно мастурбировала, как только наш док оказывался рядом с чьими-то гениталиями. Я устроилась на пластмассовом стуле. Еще с анонса передачи страшно хотелось в туалет, но я была так поглощена мощными ляжками Шэрон и ловкими руками блондинистого доктора, да еще и приведена в ступор ритмичными движениями пальцев Чокнутой Ситы, что совершенно не могла

встать с места. Я позаимствовала страницу из Ситиной книги неповиновения и осознала, что вовсе не обязательно идти в туалет – или вообще следовать правилам. Пришло чувство такого глубокого успокоения (старюсь по возможности не пропускать положительные моменты в жизни; мама всегда ратовала за позитивное мышление, и я тоже изо всех сил прививала его детям), что я расслабила мышцы тазового дна прямо на стуле. Это ощущение перенесло меня в детство, к сладким воспоминаниям о ночном недержании. Я вдруг поняла, как сильно скучала по мелочам, от которых ребенку приходится отказываться: детские истерики, телесная расхлябанность и многое другое. Может быть, пора восстановиться в правах? Когда все теряешь и больше нечего бояться, остается лишь свобода. С горба сняли сундук с традициями, наступает колоссальное облегчение. Однако тут вошла Скрипуха и обнаружила, что одновременно происходят вроде бы не связанные друг с другом процессы: по моему стулу течет моча, а Чокнутая Сита, спустив штаны, вовсю наяривает между ног. Чокнутая Сита на самом деле чокнутая, и Скрипуха едва удостоила ее взглядом. Насчет меня она не уверена; считает, что я придуриваюсь. Остальные тоже относятся ко мне с подозрением. Думают, что я опасна и за мной нужен глаз да глаз. Ну, может, за исключением полицейского, который меня арестовывал. Когда водворяли в камеру, я подслушала его разговор с напарником. Он сказал, что всегда может нас распознать: те, кто в самом деле виноват, освободившись от гнета собственных злодеяний, утихомириваются и спят как младенцы.

Я не сомкнула глаз.

Скрипуха протягивает последнюю порцию лекарств. Глотать их – сущее мучение.

– Мама будет очень волноваться. Приведут ее сюда, в конце концов?

Она со скучающим видом закрывает и складывает газету.

– Я про вашу мать ничего не знаю.

– Не помню, когда она обещала прийти...

– Вы много чего не помните, а должны бы... – отвечает она, одной рукой похлопывая по ноутбуку, а другой прибирая и без того аккуратную тележку.

Здесь персонал порою очень груб. Но я не расстраиваюсь. К тому же она отчасти права: я не помню, как мое запястье пришло в такое состояние, хотя полагаю, что сделала это сама: крайне маловероятно, чтобы кто-то другой мог так его исполосовать.

Возвращаюсь к одинокому листку. Он не трепещет – ветер стих. Думаю о том, какой я была. О невероятном количестве энергии, которую тратила, обижаясь или оскорбляясь. Годах, когда гналась за успехом, вовлекалась в мышиную возню, ловила свой мышиный хвост, следовала мышиным правилам, была правильной матерью, женой, дочерью, кормилицей семьи, правильно вела хозяйство, ходила в правильной одежде, придерживалась правильных взглядов, пила правильное вино, правильно питалась, развивала правильный цинизм. Чего ради? Совершенная бессмыслица. Неужели писать об этом? О темноте? Ночах, когда просыпалась в поту и панике, с колотящимся сердцем и такой болью в теле, словно переламываюсь надвое? Я не хочу думать о боли. Сейчас мне ничего не грозит. Это старая я сильно волновалась, а я теперешняя – свободна.

Опускаю взгляд на компьютер. Потрепанный «Делл» без штепселя – видимо, на случай, если я попытаюсь заколоть насмерть себя или ее.

– Что писать?

Скрипуха вытирает на подносе лужицу и убирает салфетку в карман. Прежде чем уйти, наклоняется и смотрит в глаза.

– Сделайте всем одолжение и напишите, мать вашу, как все было!

Звучит убедительно, по существу. Пока Скрипуха и ее толстая жопа покидают комнату, снова принимаюсь рассматривать храбрый листок.

Я не позволю себя расстроить. Встаю и направляюсь в ванную. Мочиться в штаны не так уж и весело. Наверное, я просто экспериментирую с разными вариантами поведения. После туалета мою свои незнакомые руки в маленькой раковине. Над ней закреплен блестящий металлический лист. Слава богу, отражение расплывчатое, но все равно ясно, что вид у меня не ахти. Волосы растут странными рыжими патлами, просвечивает скальп. Похлопываю по темени. Я похожа на горячо любимого истрепанного детского медвежонка, хотя любимой

себя не ощущаю – только истрепанной. Глаза налиты кровью, шея расцвечена мириадами красок. Дотрагиваюсь до горла, гадаю, не повязан ли на нем какой-нибудь жуткий осенний шарф, который подарила мать. Модникам здесь не место. Вожу мылом по металлическому листу, пока отражение не исчезает совсем.

* * *

Шаги доктора Робинсон слышны издалека. Она мой судебный психиатр. Я видела ее только раз и пока не составила четкого мнения. Доктор Звиздюк представил мне ее в благоговейной тишине, из чего я делаю вывод, что в мире дипломированных шарлатанов она птица высокого полета. У доктора Робинсон успокаивающий, мудрый, профессиональный голос, который она, вероятно, тренировала годами; чересчур гладкий, как и ее одежда – не дешевая, но вусмерть безликая. Доктор Робинсон – аккуратная и чистенькая, не за что зацепиться взгляду. Достойна внимания только обувь. Когда она входит, замечаю на правом мыске то ли птичий помет, то ли каплю каши. Потом ей на это укажу. Если будет полезно.

В прошлый раз она заявила, что пришла «помочь мне докопаться до истоков». Мы на севере Лондона. Ходят слухи, что здесь больше психиатров, чем психов. С этой точки зрения, не она мне помогает, а я, тудыть-растудыть, оказываю ей услугу, позволяя оплачивать жалюзи на окнах, модную кухню и «Пуйи-Фюме» в холодильнике.

Улыбается. Не настоящей улыбкой – профессиональной. Приучила себя без напряжения смотреть в глаза. Думает, у нее хорошо получается, но ей-богу, переглядеть в гляделки психа невозможно. У нее большой нос и блестящие, точно бусины, глаза. Взгляд, как будто слегка под мухой, вызывает у собеседника легкую тревогу – полагаю, ей это весьма кстати, учитывая род занятий.

В докторе Робинсон все одновременно напряжено и дозировано. Она человек серьезный, можно не опасаться, что вдруг что-нибудь отмочит. Ценю – сама когда-то отмачивала немало. Длинное каре, темные блестящие волосы все время падают вперед; жест, которым она их поправляет, превратился в своеобразную пунктуацию ее методичного мыслительного процесса. «Понимаю...» – Волосы за ухо. – «А как вы думаете...» – Волосы за ухо. – «Что она имела в виду?» – Волосы

за ухо.

Когда она в характерной неспешной манере снимает жакет и вешает его на спинку стула, улавливаю запах сигареты с ментолом или просто мяты, маскирующей обычную сигарету.

Курение – слабость.

Доктор Робинсон аккуратно садится и поправляет волосы. Раздраженно вытаскивает из нагрудного кармана жакета завибрировавший телефон. Наклоняется и глядит на экран. Шрифт крупный, я легко читаю. Да, ей около пятидесяти. Как и мне. Хороший возраст – глаза садятся, но мы в самом расцвете. Сообщение в «Вотсап», отправитель – «Душка Сай». По ее лицу снова пробегает тень. Она поворачивает телефон под другим углом – мне уже не видно, – выключает и снова растягивает губы в дежурную улыбку.

– Прошу прощения, – говорит, совершенно не выглядя виноватой, и ставит сумку на пол.

Доктор Робинсон по-прежнему во власти этикета. Очень придирчива – не понравилось положение сумки, переставляет ее на другую сторону. Затем обращает на меня все внимание, своеобразно наклоня голову со слегка встревоженным выражением, как будто ухо уловило вдалеке волчий вой. Сверлит меня глазами-бусинами. Я ее завораживаю, как гениталии Шэрон: зрелище увлекательное, однако по сути своей гадкое.

– Итак, Констанс, рада снова вас видеть. Как вы сегодня?

Мне не нравится тон врачей. Они охренительно надменные. Учти, дорогуша, чтобы играть в эту игру, нужны двое! Медленно снимаю волосок с треников.

– Полагаю, вы знаете, зачем я здесь. Будем сегодня говорить о Несс?

Зеваю. Смотрю на неброское кольцо на ее безымянном пальце, над золотым обручальным. Ее манера разговаривать вопросами порядком изводит. Она все время пытается меня подловить. Попробую сегодня тоже отвечать вопросами.

– О Несс?

(Дается на удивление тяжело.)

– Да, о Ванессе Джоунс.

– Она придет меня навестить?

Качает головой.

– Нет, Конни. Не придет.

На мгновение от ее слов становится больно. Доктор Робинсон это замечает, я вижу искорку в глазах. Толпа идиотов в ее голове радостно улюлюкает.

– А как вы думаете, почему Ванесса к вам не придет? – спрашивает она, растягивая дьюм, который я ей уступила, в добрую милю.

Долго и пристально на меня смотрит, глубоко вздыхает и, словно решая изменить тактику, заправляет за ухо непослушные шелковистые волосы.

– По-моему, можно начать с самого начала.

Какая оригинальная мысль!

– Не откажусь от сигареты, – говорю я.

Я не курю, но люблю собирать разные вещицы.

– Здесь нельзя.

Смотрю во все глаза. Она так поглощена правилами, что бывает просто утомительна!

Решительно откидывается на спинку и встает. Морщась, потягивается. Подходит к окну, спиной ко мне, показывая, что вовсе меня не боится, что мы можем

запросто стать подругами и попивать кофе. Не хочу, чтобы она заметила, как мой храбрый листок маниакально ей машет; я уже прониклась к нему собственническим чувством. Она медленно шагает вдоль ударопрочного окна. Наблюдаю. Мне нравится ее тело: сильное, широкое и плотно сбитое, готовое к тяжелому физическому труду, спортивное и неторопливое – необычное сочетание. Пытается открыть окно. Оно, естественно, заперто. В этом заведении запирают все: шкафы, окна, двери, головы. Сердится. Довольно мило. Берется за другое окно. Возможно, мнит себя такой оригиналкой, открывательницей окон. Медленно идет обратно и садится.

– Будете пользоваться компьютером, который мы вам дали?

– Предпочла бы «Макбук эйр».

Доктор Робинсон улыбается. Впервые приходит мысль, что, если б не сотня разных обстоятельств, она, возможно, мне понравилась бы.

– Вы ведь журналистка. Не скучаете по перу?

Она и вправду ничего не понимает! Это дерьмо в прошлом!

– Иногда легче что-то записать. Просто расскажите свою историю, с самого начала...

– Сколько вашим детям?

Она скрещивает ноги и разглаживает юбку.

– Можете скинуть файл в «Дропбокс». Я почитаю. Правильно я поняла, что все началось шесть лет назад?

– А сколько вы знакомы с вашим Душкой Саем?

Я начинаю ее раздражать.

– Речь не обо мне, Конни.

– Односторонние отношения не способствуют доверию.

Улыбаюсь. Искренне. Мне весело.

– Нет, правда, где вы познакомились с Душкой Саем?

Она щурит уже прищуренные голубые глаза, склоняет голову набок и снова прислушивается к волку. Серьезная поза. Смахивает на директрису, ей бы с этим не переборщить...

– Знаете, Конни, мы должны брать ответственность за свои решения и поступки.

Под впечатлением от собственного глубокомыслия. Произносит коронную фразу:

– Нельзя вечно прибегать к тактике уклонения.

Раздумываю над этим, а она меняет объект созерцания и смотрит в окно. Наверное, заметила листок. Решительно поворачивается.

– Я здесь, чтобы помочь вам. Мы можем работать, как вам захочется, меняться ролями, если нужно...

Делает паузу, и идея повисает в воздухе. Надеюсь, выражение моего лица не оставляет сомнений: иди в жопу со своими играми! Солнце, кстати, скрылось, и в комнате резко темнеет. Доктор Робинсон сверлит меня своими странными голубыми глазами с карими крапинками.

– Вы счастливы? – Скрещиваю руки, склоняю голову и прислушиваюсь к ее волку. – Интересная, хорошо оплачиваемая работа. И Душка Сай, а не тот, другой... Он преданный муж, да? Уложит детей в постель к тому времени, как вы вернетесь домой после тяжелого трудового дня помощи окружающим. Поболтаете в кухне, откупорите бутылку вина, перейдете в гостиную и поужинаете за парочкой серий скандинавской теледрамы. Подниметесь в спальню. А, вот незадача... – для пущего эффекта интимно понижаю голос. – Вдруг это та самая ночь, которую вы подсознательно избегали? Ежемесячный перепих из чувства долга. Или можно еще потянуть? Помешкать внизу или, наоборот, быстрее лечь и прикинуться спящей. Поймите меня правильно – вы

хорошая жена, вы его любите, знаете, что для отношений секс важен. Об этом пишут все журналы, вы и сами говорите это пациентам, хулиганка этакая. И все же вы валяете дурака в ванной, на случай если ему придет в голову именно сегодня... Ясное дело, вы жутко устали. Спасать мир так утомительно! И потом, секс отнимает ужасно много сил. Но будем реалистами, сколько можно его избегать, если таковы условия сделки, неписаный контракт пары? Вы ложитесь в постель, надеясь, что он не... Но он все-таки делает робкий шаг, всего-навсего легкое прикосновение неуверенной руки. Вы знаете, к чему идет, чего он хочет, хотя даже он теперь почти уже сдался. Да, сегодня та самая ночь, когда надо себя перебороть, говорите вы мысленно. И поворачиваетесь к нему, показывая, что можно начинать, вы разрешаете. В процессе обнаруживается, что оно не так уж и плохо. Надо бы делать это почаще, думаете вы, ощущая его внутри. Вам даже приятно, хотя вы знаете, что все быстро кончится...

Делаю паузу. Доктор Робинсон смотрит на меня во все глаза; мышцы лица немного расслабились. Подаюсь вперед и продолжаю шептать своим новым осипшим голосом, который всерьез начинает мне нравиться:

– Трахаться-то легко, да, док? А вот поцелуй не симитируешь! В нем – подлинная близость. Невыносим именно поцелуй. Когда вы в последний раз целовали Душку Сая? Не чмокали в щеку, нет, – целовали по-настоящему, растворяясь во рту... Подумайте о нем, его рте. О, этот рот, как отвратительно он ест, какие глупейшие вещи изрекает, как идиотски кривится! Рот, смотреть на который вы обречены следующие сорок лет. Вы пытаетесь об этом не думать. Оно и понятно – целая долгая жизнь без страсти...

Откидываюсь назад и смотрю в пристальные немигающие глаза-бусинки; начинаю смеяться – по-настоящему. Она уже не так борза, как получасом раньше.

– По-моему, мы все прибегаем к тактике уклонения. Вы не согласны, доктор Робинсон?

Глава 2

Эмма ехала в автобусе. Кошмарный вечер. Часы перевели, и зима началась неожиданно, точно заклепили пощечину. Эмма потеряла рукой запотевшее стекло и всмотрелась в проплывающие мимо блестящие скользкие улицы Вуд-Грина, огни потребительства, отраженные в сверкающих тротуарах, одинаковых сердитых людей, хлынувших из метро с завидной целеустремленностью – армия мокрых и обозленных, марширующая куда-то в час всеобщей спешки. Автобус провонял затхлой одеждой, как в благотворительном магазине. Дождь обострил чувства, и Эмму преследовали звуки: шелест шин по лужам, шаги, рев моторов, голоса, металлическое буханье в чьих-то наушниках. Она пробовала углубиться в книгу «Отель „У озера“». Взялась за нее только потому, что та много лет пылилась на полке, а выкинуть, не прочитав, казалось неправильным. Кроме того, книжка была небольшая, легкая и помещалась в сумку. Но усилия оказались тщетными. Уставшая и раздраженная Эмма не могла сосредоточиться. В голове ворочался бесконечный клубок беспокойств. Уже несколько месяцев, как она забросила медитацию и йогу. В этом вся беда с медитацией: как только Эмма вновь обретала душевное равновесие, она сразу забывала продолжать занятия. Нет, надо в самом деле внести ее в список приоритетов.

В автобус набивался народ: служащие, обитатели бедных кварталов, припоздавшие школьники, пассажиры всевозможных убеждений и цветов кожи, одинаково усталые и мокрые. Взгляд привлекла женщина в чадре, с двумя тяжелыми сумками. Эмма опасливо уставилась на соседку – бесформенную тень, точно смерть без косы. Непонятно, смотрит ли в ответ – глаз не видно. Для Эммы, которую сегодня цепляла каждая малость, она была ходячим символом половой дискриминации, женщиной, которую мужчины ослепили и сделали невидимой. Это злило. Мы заслуживаем того, чтобы нас видели и слышали!

И тут же Эмма ощутила укол совести и виновато подвинулась, давая женщине место, хотя подвинулась совсем немного, просто демонстрируя, что она хороший человек и не исламофоб. Или все-таки исламофоб? Нет, просто не переносит мужской шовинизм. Это проблема культуры, а не религии. Женщина в чадре села и поставила сумки между ног. Ее бедро то и дело касалось Эммы, и та инстинктивно отреагировала проверенным британским способом – сказала «извините» и снова отодвинулась, недвусмысленно показывая, что в ее пространство вторглись.

Вместо того чтобы вежливо отстраниться, нога женщины немедленно заняла уступленное место. Эмма ощутила раздражение, потом опять вину: как бы соседка не заподозрила ее в расизме. Автобус резко затормозил, качнулся

вперед, водитель ударил по клаксону. Эмме не терпелось оказаться дома и распрощаться с тяжелым днем.

Словно фокусник, женщина в чадре извлекла из складок балахона сотовый. Эмма краем глаза наблюдала, как она листает список контактов; на ногтях красовались маленькие луны и звезды, намекая на стильную жизнь под покрывалом. Женщина звонила кому-то по имени Мо. Поднесла телефон к уху. Расстояние от него до Эммы было почти таким же маленьким, и она с удивлением обнаружила, что ждет, когда Мо снимет трубку. Он исправно ответил и попал на нагоняй, как, собственно, и Эмма. Голос женщины был громким и резким; она говорила на не поддающемся идентификации языке, и стало ясно: она вовсе не страдает от половой дискриминации. Эмма в изумлении слушала и даже несколько завидовала ее уверенности и смелости, тому, как мало ее заботило впечатление, которое она производит на окружающих, насколько она свободна в том, чтобы быть собой. Женщина с сарказмом выслушала дребезжащие возражения Мо. Эмма смутно гадала, откуда они, беженцы или иммигранты; в последнее время она стыдилась того, что является британкой. Оглядела автобус с дружелюбной улыбкой на устах, как бы прося извинения у соседки, – хотела показать, что она лично очень рада иммигрантам и беженцам, всем, кто попал в беду. Однако женщина не обращала на Эмму никакого внимания. Может быть, презирала эту страну с ее постыдными пьянками в центре города, молодежью, прожигающей жизнь в ночных клубах Магалуфа[2 - Магалуф – пляжный курорт в юго-западной части Мальорки.], упадком нравственности и ничтожными тщеславными заботами, в то время как в Средиземном море тонут дети. Эмму накрыла волна печали. Она отвернулась к окну.

День выдался крайне беспокойный; голова болела, Эмма мучилась от замкнутого пространства и соседства этой женщины с ее немелодичным языком; ноздри раздражал запах мокрых тел, сиденье вибрировало от мотора, тепловая пушка гнала по ногам отработанный воздух, подошвы приклеились к грязному полу, у мужчины впереди плечи были усыпаны каплями дождя и крапинками перхоти... Человечество вызывало у Эммы отвращение, хотелось вылезти из собственной шкуры и сбежать.

Выйдя из автобуса, она раскрыла зонт, съежилась, как все, и перешла дорогу. К тому времени, как оказалась на своей улице, дождь прекратился, и, убирая зонтик, она почувствовала себя глупо, что не заметила этого раньше. Навстречу брел старый Кларенс. У нее не было сил на разговор о переработке отходов или

положении дел в Королевской почте, поэтому она достала телефон и притворилась, что сурово отчитывает провинившегося коллегу. Черно-белый кот, спасающийся от непогоды под припаркованной машиной, в этот фарс не поверил и проводил ее укоризненным взглядом.

Продолжать спектакль пришлось до самой двери, пока Кларенс не свернул за угол. Эмма виновато оглянулась на кота, смущенно убрала телефон, встряхнула зонт и порылась в поисках ключей. Заглянула в щелку жалюзи – в гостиной горел свет.

– Сай! – позвала она.

В доме было тихо. Эмма невольно вздохнула с облегчением. Конечно, он ведь прислал сообщение – то самое, которое ее выдало. Она сняла пальто и туфли, бросила беглый взгляд на почту. Из интересного – лишь один подписанный от руки конверт. Адресовано доктору и миссис Робинсон. Возмутила вечная дискриминация по полу – если «доктор», то непременно мужчина! Эмма отшвырнула письмо и пошла в кухню. Открыла дверцу холодильника и, взяв початую бутылку «Сансера», налила неоправданно большой стакан. Открыла раздвижную дверь в сад и застыла, глядя на промокший газон. Похлопала по карманам, достала сигареты. Сделала глубокий йогический вдох, наполняя легкие ментолом. Она точно знала, отчего ей так неудобно.

Терпеть больше не было сил. Эмма затушила сигарету, закрыла дверь и сделала то, о чем мечтала уже несколько часов, – включила «Макбук эйр».

Когда в папке «Входящие» обнаружился новый документ, ее охватило странное ликование, словно впервые в жизни получила признание в любви. Файл был озаглавлен «Начало всего». Она кликнула, и сердце взволнованно подпрыгнуло в груди. Первый раз Эмма проглядела документ быстро, второй – прочитала обстоятельно.

Это уже прогресс. Она мысленно похлопала себя по плечу (хотя и старалась не думать о более отдаленных последствиях работы с этой пациенткой и возможном повороте в карьере). Ее заинтриговала картинка жизни до преступления – мамочка, которая только что подстриглась, забрала дочь из садика и повела гулять в парк. Точь-в-точь как любая работающая мать: отвлекается на миллион разных дел, но балует свое чадо и старается изо всех

сил. Эмма могла представить ее лишь такой, какая сейчас, в психиатрическом крыле, с ожогами и порезами, редкими пучками курчавых рыжих волос, налитыми кровью глазами, в которых совсем не осталось белого, только розовые участки и совсем красные (лопнули все до единого сосуды). Плюс страшные гематомы, следы невыразимого отчаяния – отвратительное ожерелье из желто-черно-фиолетовых полос на горле. Голос скрипит и пугает, как в фильме ужасов. Конни обернула шею ремнем безопасности, на двести процентов стремясь к забвению. В определенном смысле миссия увенчалась успехом, и стоит ли удивляться, что она ничего не помнит? Или дело в тайных механизмах человеческого мозга, который защищает нас до последнего с единственной целью – выжить?

Эмма поднялась на второй этаж и стала набирать ванну; внимание привлек почти пустой флакон «Джо Малон», подарок сестры Саймона на Рождество несколько лет назад. Она открыла его и вдохнула аромат другой Констанс Мортенсен, эффектной рыжеволосой женщины – совсем не похожей на маленькое свирепое существо в безобразной комнате с яркими флюоресцентными лампами. Миссис Ибрахим сказала, что она смотрит в окно часами, иногда всю ночь напролет.

Эмма наполнила флакон водой, потрясла и медленно вылила под кран. Удивительно приятный запах. Швырнула бутылочку в мусорное ведро и нечаянно поймала в зеркале свое отражение – не успела одурачить себя, втянув живот. Собственная внешность нагоняла тоску. Эмма попробовала распрямить спину и подобраться, но все было бесполезно. К счастью, пар быстро скрыл отражение. Выключив воду, она услышала, как хлещет в стекло дождь. Залезла в ванну и погрузилась целиком, благодарная судьбе за простые радости, за то, что может вот так смыть с себя тяжелый день, в отличие... в отличие от многих, с кем она сегодня разговаривала. Эмма терпеть не могла лечебницу. Ее казенный, пропитанный лекарствами воздух въедался в поры. Она всегда уходила оттуда с головной болью – там было слишком жарко и душно... Эмма смежила веки и опустилась еще ниже, оставляя на поверхности только лицо и отстраняясь от мира. Позволила телу всплыть в йогической позе со скрещенными ногами. Сделала несколько глубоких вдохов. Непременно надо возобновить субботние занятия, спина уже побаливает. Черт, трещинка на потолке... Бесполезно, не спрячешься! Перед внутренним взором стояли немигающие, налитые кровью глаза. Как они провожали ее взглядом, вбирая каждую деталь, оценивая, непрерывно молча комментируя... Абсурд! «Это я должна оценивать, комментировать и делать выводы! Но если Конни охота играть в эти игры, ладно – я подстроюсь».

Спустившись, Эмма, кожа которой разгладилась и напиталась ароматом, опрокинула в себя остатки «Сансера». Подошла к колонкам, подключила телефон и открыла «Спотифай». Выбрала группу «Джой дивижн» и сунула в духовку полуфабрикат лазаньи. Прокрутила плей-лист, изменила жанр. Двигаясь вокруг стола в новом темпе, налила еще стакан. Открыла «Макбук». «Последний раз», – сказала себе и кликнула документ.

– Привет, солнышко! Еще не спишь?

Эмма не слышала, как щелкнул замок, и от неожиданности подпрыгнула. Сай. Насквозь мокрый и навеселе.

– Как вечер? Нормально? – Она закрыла компьютер и повернулась на стуле.

В состоянии легкого подпития в нем было что-то непринужденное и привлекательное. Сай чмокнул ее в лоб, как ребенка. Пахнуло пивом.

– Ага... Умираю с голоду! – Он поставил сумку на пол и заглянул в холодильник. – Хорошо пахнешь, – добавил равнодушно.

– Кто был?... Доешь лазанью. Разогрей.

– Все те же. А, Эдриан привел новую подружку.

– Я думала, его интересуют мальчики... И как она?

– Хорошая. Для него – даже слишком. А ты чем занимаешься?

– Так, по работе... Как ее зовут?

– Саманта, кажется. Или Сюзанна...

Сай рылся в холодильнике. Он все еще меня привлекает, отстраненно подумала Эмма. Правда, раньше держался в форме, а за последние годы отрастил живот и смахивает на фигурку Будды, которую инструктор по йоге ставит перед группой во время занятий (господи, ей грех жаловаться!), но одежда по-прежнему сидит

ладно.

Она встала, налила себе вина и уселась на кухонном столе, медленно болтая ногами. Так и подмывало что-нибудь сделать... Когда Сай шел от холодильника к микроволновке, вытянула ногу и потерла его бедро. В их отношениях это обязательно имело скрытый смысл, он поймет.

Сай повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Эй! Это еще что?

Все оказалось просто. Он шагнул к ней, она опустила руку и потерла его член – затвердел почти мгновенно.

– Сегодня мой день рождения? А где голые девочки?

Ироничный тон раздражал, однако Эмма не позволила скрытому осуждению в его голосе отвлечь себя от важного занятия; она сама дивилась своему нахальству. Сай позабыл про ужин. Тот факт, что они делают это не в спальне, придавал ощущениям пикантности и безрассудства. Эмма потерлась о него грудью. У нее красивая грудь, ей все говорили, даже мать. Она получала удовольствие от собственной дерзости и все же, помогая ему снять пиджак и мокрую рубашку, чувствовала, что только играет роль обольстительницы. Было ощущение, что она выступает в шоу, а среди зрителей несколько критиков.

К счастью, помогать Саю особенно не требовалось. Он расстегнул брюки, стащил с Эммы трусы и попытался войти, шаря руками по ее груди под футболкой. Было немножко больно, она недостаточно возбудилась, но оба знали, что в таком случае следует делать, – он смочил пальцы слюной и наклонился, захватывая губами сосок и с силой оттягивая его на себя. Она откинула голову и, как положено, вздохнула. Твердо решила перестать себя оценивать и смотреть со стороны, из зрительного зала, приказала себе просто чувствовать его рот. И тут же где-то глубоко, под маской удовольствия, зародилась странная грусть. Эмма была рада, что поза для него неудобная и ему пришлось скользнуть губами выше. Надо его поцеловать, в самом деле надо, но он этого не ждал и, к счастью, сам поцелуями не увлекался. Они занимались любовью энергично и как умели, как было для них наиболее эффективно. Хорошо, спонтанно, подумала она, производя все положенные звуки и слушая собственные вздохи. Ее не

раздражал запах пива; наоборот, он создавал дистанцию, как будто здесь кто-то третий, «другой». Все-таки надо поцеловать. Она храбро нашла губами его рот. За долгие годы так и не привыкла к его тонким губам. Их языки коснулись друг друга и задвигались, но как-то холодно и неестественно – рептильно. Попробовала сосредоточиться на ощущении внутри и, ритмично двигаясь вместе с Саем, незаметно оторвалась от его рта и уткнулась в шею. Так безопаснее. Смотрела в сад. Дождь резко стучал в стекло. Вскрикнула – отчасти потому, что он вошел слишком глубоко, отчасти потому, что так полагается. Почти поверила в собственный спектакль. Почти. Между тем зрителей он не убедил. Эмма чувствовала, как они ерзают, слышала приглушенное хихиканье, а потом, отчетливо, – чей-то смех. Она узнала голос. Да, Констанс Мортенсен хохотала до упаду.

Теперь Эмме хотелось скорее все закончить. С нее довольно. В постель бы, за «Отель „У озера“». Впрочем, Сай будет ждать ее оргазма. Так что лучше не тянуть. Она отклонилась, просунула вниз руку и попробовала ускорить процесс. Бесполезно, оргазм никак не наступал. Она отчаянно теребила клитор – ну давай же, чтоб тебя! – но уже точно знала, что не кончит. Объясняться, успокаивать и пытаться снова Эмма категорически не хотела, поэтому пришлось пойти наиболее рациональным путем: стоны стали громче, она, как положено, вскрикнула, замерла, содрогнулась. Будем считать, что кончила; ни один наблюдатель не заметит подвоха. Итак, ее часть программы выполнена. Как и ожидалось, Сай достиг разрядки почти мгновенно. Вскрикнул. Рот его при этом странно перекосялся, чего она предпочла бы не видеть. Конец. Крепко обнимая мужа, она из вежливости дождалась, пока прекратятся толчки, а потом осторожно показала, что ей некомфортно. Финита. Теперь несколько недель можно жить спокойно. Да, здорово. У них с Саем отличная сексуальная жизнь, любой позавидовал бы! Спустя пятнадцать лет все еще спонтанно занимаются любовью на кухонном столе... Молодцы.

Однако в липком похмелье полового акта, в посткоитальной черной дыре, Эмма не слезла со стола – сидела, приклеившись ягодицами к столешнице из кварца. Сай вышел, чтобы поставить на зарядку телефон. Все стихло, даже дождь почти прекратился, едва постукивая по крыше, как жидкие аплодисменты после исключительно провальной премьеры. И вот она одиноко стоит на сцене, глядя, как последние зрители, разочарованно что-то бубня, покидают зал. Они распознали обман. «Мы все прибегаем к тактике уклонения. Вы не согласны, доктор Робинсон?»

* * *

Пришел Проныра. Проныра – это мой муж, мой бывший муж. Его настоящее имя Карл. Это второй его визит сюда, в точности похожий на первый. Карл неподвижно стоит у окна и молча плачет. Не волнуйтесь, он всю жизнь был рёвой. Сегодня он выглядит старым и печальным. Зато хорошо пахнет. Всегда хорошо пах. Позволяет мне немножко его понюхать, хотя я знаю, что он просто терпит и за моей спиной переглядывается со Скрипухой. Скрипуха – такая бестия! Когда дело не касается пациентов, совершенно преображается: сверкает акульными зубами – сама предупредительность! – приносит ему чашку чая, и он так бурно выражает благодарность, что можно подумать, будто она покусывает этими зубками его затасканное достоинство.

– Передай Чокнутой Сите, что я приду в шесть! – заявляю я, жестом отпуская ее, точно официантку.

Веду себя как последняя срань. Она заслужила.

– Не называйте ее так, Констанс.

Скрипуха в последний раз бросает на меня взгляд и выходит, а я поворачиваю стул лицом к Проныре. Он молча отпивает чай. Смотрит в окно на дерево, но не на мой листок, хотя тот в эпилептическом припадке старается привлечь его внимание.

– Как мама?

Снова подносит чашку к губам и, прежде чем глотнуть, делает крохотную паузу.

Игнорирует вопрос. В прошлый раз не сказал почти ни слова. Внимательно его разглядываю. Очень высокий, ладное худощавое тело, как у бегуна-марафонца. В хорошей форме, черноволосый и приятный. Но кожа мертвенно-бледная и какая-то крапчатая, как у чуда морского, которого выловил из пучины рыболовецкий траулер.

– Как Джош? Он придет? Я скучаю по детям.

Проныра ставит чашку на блюдце и поворачивается к окну, будто собирается с ним драться и насмерть залить его чаем. Потом глядит на меня. Вот кого ему хочется убить!

– Джош не желает тебя видеть.

Каждый раз эти слова застают меня врасплох. Стараюсь никак это не показать.

– Ясно. А Энни?

Проныра сверлит меня ярко-голубыми студеными глазами. Смотрит на мою шею, горло. Отрицательно качает головой. То ли в ответ на мой вопрос, то ли сам себе.

– Понятно, – говорю я.

В отношениях с детьми я, естественно, взрослая. И должна вести себя как взрослая, принимая их гнев. Нет ничего хуже, чем слышать, что твои собственные дети тебя ненавидят, – все равно что жевать бритвенные лезвия.

– Я, наверное, тоже больше не приду, – добавляет Проныра.

Удивляюсь и волнуюсь. Несмотря ни на что, он отчаянно предан. Может, произошло что-то очень плохое и он мне не говорит?

Подхожу. Его взгляд перебегает с моих волос на горло и глаза. Останавливаюсь прямо перед ним.

– Почему? – спрашивает он, опять едва не плача.

Его голос слаб, сам он вымотан, и мне его жалко, хотя я порядком устала от его слез. Проныра так и не понял, насколько его жалость к себе иссушает мое сочувствие. Я не знаю, что делать, однако все равно предпринимаю попытку помочь и заключаю его в объятия. Он вздрагивает, ссутуливается. Позволяет себя обнимать. Пахнет на самом деле замечательно.

– Лучше б мы не встретились! Лучше б ты не попалась мне на глаза!

Чувств ко мне он не испытывает, это я понимаю, но звучит по-своему романтично. Говорят, мы по-настоящему узнаем друг друга только при расставании. Так и есть. Лишь тогда видишь человека во всех его проявлениях. Отчаяние и страх делают нас странными и уродливыми. Ярость хороша; она нужна, чтобы расцепить связку, без крови и боли расстаться невозможно. Но раны затягиваются. И в конце концов, если ты по натуре не окончательный злодей, можно прийти к тому, с чего начал: этот человек снова тебе нравится.

Карл – добрый. Несмотря ни на что, он хороший человек. Я пожимаю его пальцы.

– Принес тебе кое-что. – Он высвобождает руку и суетливо роется в бумажном пакете.

Вытаскивает «Твикс», стопку книг и дерьмовые журналы. Он всегда покупает мне дерьмовые журналы. Я их никогда не читала, а он всегда покупал. Сначала это было шуткой, потом стало привычкой. Теперь не до шуток.

Вижу, что ему не терпится уйти, и почему-то скисаю.

– Когда я вернусь домой? – спрашиваю тихо.

Проныра перестает поправлять стопку и демонстративно сминает бумажный пакет. (Строго говоря, это я должна с тихой яростью комкать пакеты, но что ты будешь делать...)

– Домой? – повторяет он. И добавляет громче: – Дома у тебя больше нет!

Любит мелодрамы. Ему мало, что просто болит голова или пучит живот, – подавай опухоль мозга или рак желудка. Делаю шаг в его сторону, и он пятится, как будто я нападаю. А я никогда не нападала, я не агрессивная. Грустно сознавать, какой чужой я ему стала; даже видеть не хочет. Меня накрывает печаль. Куда подевалась наша любовь? Где-то же она должна быть! Может, в ящике справа от раковины? Однажды кто-нибудь откроет его и воскликнет: «Смотрите, что я нашел! Целая куча любви!»

Подойдя к двери, оборачивается. Утомленный столетний целакант.

– Приготовься, Конни. Приготовься, черт побери!

Уходит. Гнев Проныры завихряется вокруг меня, не проникая внутрь. Пытаюсь ощутить его, впустить, но нет, ничто в меня не просачивается. Полное оцепенение.

Подхожу к стопке журналов. Бегло листаю и сажусь. Книги кладу отдельно. Узнаю школьную тетрадь. Дневник Энни. На обложке написано: «Энни Мортенсен, возраст 9 лет и 5/12. Дневник. Ни трогать». Если она узнает, придет в ярость.

Помню ее первый дневник – мой подарок на день рождения, когда ей исполнилось семь. Она открыла его, сидя за столом, и сразу захотела начать. Записала: «Встала умыла лицо почистила зубы». Посмотрела на меня и спросила: «Как-то скучно, да?» И мы поговорили, как сделать дневник интересным, чтобы однажды она с удовольствием его почитала, оживляя память. Энни предложила записывать важные события в мире. Я похвалила идею и добавила, что можно отмечать какие-то моменты – например, лучшее за день, – а не пересказывать все подряд. Ей мысль понравилась, и с тех пор она добросовестно каждый день вела записи. «Я всегда буду говорить правду», – заявила Энни, и я согласилась, что иначе ничего не получится. Полли тоже завела дневник, естественно, хотя они их друг дружке никогда не показывали. Зато часами читали отдельные разрешенные страницы – умора, если учесть, что они были неразлейвода и проводили вместе каждую секунду, как, собственно, и их матери, и даже больше, поскольку учились в одном классе. Энни хранит дневник под замком. Понятия не имею, как Проныре удалось его раздобыть.

В свое время я была ярой ревнительницей тайны личной жизни. Теперь – нет.

Листаю. Отдельные страницы склеились от липких, перепачканных сладостями пальцев. Энни вложила сюда обертки, на случай если вдруг забудет любимые лакомства: «Токсик вейст», «Миллионс», «Орео» с шоколадным вкусом, «Харибо». Некоторые записи начинаются с даты и заголовка. Улыбаюсь. У Энни всегда была тяга к торжественности. «7 апреля. Про то, как доламался планшет». «16 марта. Колокола будильников». Пробегаю глазами страницу – они с Полли пошли в «Тайгер» и завели там все будильники на одно время. «21 марта. Почему на самом деле Джош разбил нос». Настоящая маленькая писательница! Тренируется в сквернословии – для ее возраста вполне ожидаемо – и невероятно грамотно выстраивает композицию.

Подхожу к окну и усаживаюсь, чтобы почитать в удовольствие. Открываю наугад.

«1 февраля Потерявшийся купальник».

Мама оч оч оч сердится. Говорит я все всегда теряю.

Мы шли короткой дорогой с плавания и Полли вдруг говорит, а ты знаешь что во всиленной все отскакивает? Я сказала нет а она – вот и да. (такая всезнайка прям професор диржите меня). Я сказала слоны не отскакивают. Она сказала отскакивают. Дома не отскакивают. Отскакивают. Полли хоть КОЛ на голове чеши.

Мы шли мимо красивого дома с железной оградой, кирпичами в желтой мусорке и лесом, для штукатуров. Полли наклоняется прямо в мусорку аж трусы видны. Я кирпич НЕ БРАЛА. Это ПОЛЛИ. Я тренировала растяжку на ограде. В подвале видны ноги какого то дяденьки. Полли с кирпичом залезает на ТРИ МЕТРА на лес и говорит смотри Энни! И как киданет! Он разбился на десять миллиардов кусочков и одним кусочком разбил окно!

Дяденька начинает кричать и мы БЕЖИМ бисто быстро и садимся в кустах у автобусной остановки. Полли запыхалась. Я нет, я могу бежать сто лет подряд. Она говорит ВИДАЛА? Кирпич сначала ОТСКАЧИЛ а уже после разбился! Помоему правда но я ей не сказала.

PS почему такое название. Когда я бежала выронила купальник в голубой горошек и мы испугались возвращаться. Я сказала маме что он в бассейне и она заставила меня туда звонить. Я притворялась что его кто то украл а она слушала.

Смеюсь в голос. Без сарказма, по-настоящему. Я благодарна Проныре за дневник. Как же я скучаю по своей маленькой непоседе! Здесь не полагается телефон, а то я ей позвонила бы. Даже если она не хочет со мной разговаривать, все равно позвонила бы – просто услышать ее хриплый голосок, ее вечные шутки...

Несмотря на здешнюю жару, меня знобит. Стягиваю с кровати одеяло и возвращаюсь к окну, чтобы устроиться поудобнее. Начинаю с самого начала.

«5 января, нипридвиденные события в бассейне».

Сегодня мы с Полли пошли в закрытый бассейн с вышками где Джош опкакался когда был маленький (он говорит что нет но мама всегда строит рожу у него за спиной). Там стоял спасатель с круглым пузом и в черных очках. Мы решили поиграть в МЕРТВЯКА. В мертвяка можно играть везде лучше всего с кetchupом. В шотландии мы играли на дюнах. Лучше если раскрасится. Я раскрасила лицо как мертвый зомби а деда весь день даже не заметил. Мы сыграли в камень ножницы бумага хотя это я первая придумала и я лучше плаваю но Полли говорит что она лучше притворяется. Она выиграла и захотела быть мертвяком. Она заплывает на середину а я прячусь у бортика. Когда спасатель смотрит она начинает шлепать руками и корчится как припадашная как Фиби Б в нетболе. Все плещет и плещет а потом ложится лицом в воду. Хорошая мертвячка по правде сказать. Спасатель подскакивает и ПРЫГ в воду прямо в одежде. Очки падают. Полли очинь красиво переворачивается на спину (она не умеет долго задерживать дыхание а я умею). У нее торчит язык и глаза такие напуганные. Перебарщила скажу я вам. Спасатель как напугается. И от этого я тоже. Он ее хватает, плывет и шмякает на бортик животом, как будто она скалалаз. Она совсем как мертвая, обвисшая и рот открыт. Я заплакала, почти не понарошке. А потом спасатель повернул ей лицо вверх и начал целовать в губы!!!! Она как завизжит, как подпрыгнет! Как молния! Смотрит на меня и ржет. А он стал на нас кричать. Сказал, что нам теперь пожизненно ЗАПРЕЩЕН вход с бассейн, то есть больше ходить нельзя. Мы купили 2 эмэндэмса и Полли свой по дороге рассыпала.

12 января, ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

Мы с Полли хотели пробраться в бассейн. Назвали другие имена и надели солнечные очки но тетенька сказала вам двоим сюда нельзя. Я притворилась француженкой как будто не понимаю а Полли стала смеяться... Я могу засунуть в рот сразу двенадцать хуббабубббов. А потом случилось САМОЕ ЛУЧШЕЕ. Мы шли мимо гостиницы холидей инн и Полли сказала а вдруг у них есть бассейн. Мы притворились что там живем. У них взаправду был бассейн и мы прошли. Но

самое лучшее было что мы поднялись на лифте наверх и увидели тилежку с бесплатной шампунью и бутылочками виски. Виски на вкус гадость. Около дверей люди пооставляли еду на подносах и мы собрали весь кечуп и по дороге домой просили милостыню. Сели на тратуаре у канцтоваров, полили кечупом ноги и притворились что пьем виски и умираем. По правде Полли притворяется хуже меня. Нам дали три фунта пятьдесят пять п. а потом пришлось убежать потому что в нашу сторону шла мисс лесбиянка со своей женой. Купили три молочных шоколадки кэдбери за три фунта и в понедельник продадим их в школе по 20 пенсов за квадратик.

Понедельник 21 января

СОВЕРШЕННО СИКРЕТНО мы с Полли видели как Джош и Иви целовались. Мы пробовали Ивин безодорант в туалете наверху а они вдруг вошли и мы спрятались. Они сели на кровать и тыкались друг в друга лицом. ПРОТИВНО! Мы думали а что если они поженятся. тогда мы станем сестрами. наверное.

Джош попросил меня пазировать для задания по рисованию. Я не знаю я уже красивая или нет. Папа говорит да. Мама говорит у меня интересное лицо, Джош говорит это значит уродина. Сегодня я пазировала первый раз. Вообще то оч скучно и в комнате Джоша воняет. Пазлируешь это когда ничего нельзя делать и Джош все время камандует. Не шевелись. Выше подбородок. Перестань моргать. Он мне до пятницы партрет не покажет. Держит карандаш и закрывает один глаз тоже мне пикасо.

Пятн 26 января ХУДШИЙ день в жизни

Я их всех нинавижу! Больше всего на свете я НИНАВИЖУ ДЖОША. Чтоб он сдох! Я бы обрадовалась! ВСЮ неделю я пазировала для его какашкиного задания. Четыре часа! Сегодня вечером он устроил вернисаш. Повесил партрет на стену и по бокам два полотенчика как занавески и мама с папой, Несс, Лия, Иви и Полли пришли смотреть с красным вином и лимонадом в стаканах. Открыл занавески. Оказывается вместо меня он всю неделю рисовал волосатую горику которая сидит на стуле в моей школьной форме! Все смеялись. Больше всех НИНАВИЖУ маму она так хахатала что аж плакала. Сказала самое смешное Джош тебе правда удалось передать что-то от характера Энни и они ВСЕ опять стали

покатываются. Даже Лия а она никогда не смеется. Все заткнулись когда я сказала что Джош с Иви совали языки друг другу в горло и мычали вот так м-м-м м-м-м.

Поднимаю глаза на свой листок. Он перестал дрожать. Сердце сжимает острая тоска по Энни. Сводит живот. Когда она родилась и я впервые взяла ее на руки, я ее как будто уже знала. Не могу объяснить. С Джошем не так, он был мне совершенно чужд, но Энни... Словно я знакома с ней сто лет. Мы похожи как две капли воды, все говорят. Мама вечно называет ее Конни. Мне надо увидеть дочь; чувствую, что она во мне нуждается. Кто за нею смотрит? Проныра? Мама? Когда меня отпустят домой? Я всеми фибрами души люблю Энни, люблю Джоша. Наворачиваются слезы, сжимает горло. Не могу больше читать.

Глава 3

Доктор Робинсон вздыхает за столиком и подается вперед. Сегодня утром у нас с ней сессия, а после обеда она вернется снова, когда приедет сержант полиции Аллан. Доктор Робинсон сказала, что у меня будет тяжелый день. Но сама она какая-то бойкая. Наверное, только ради тяжелых дней и существует – можно вернуться домой к Душке Саю с детьми и чувствовать, что в жизни действительно что-то происходит... Сегодня на ней больше цвета; она выбрала другую одежду для работы, строгую, но с претензией. Приглушенно-нарядное платье, точно со страниц каталога «Боден». Сойдет за французскую учительницу или продавщицу. С удовольствием ее разглядываю. Движения сдержанны и выверены. И что-то еще в ней изменилось. Пытаюсь нащупать, и тут она мне улыбается.

– Спасибо за файл, который вы мне послали, Конни. Было очень интересно. Отличный слог!

– Вот спасибо, доктор Робинсон! Пользуясь случаем, позвольте заметить, что и вы свою работу делаете замечательно. Вуаля! Маленький фан-клуб на двоих! Красота, да и только!

В моих словах всегда чудится сарказм, даже когда его там нет. А на сей раз он есть.

Разглаживаю журналы; я все их пролистала и сделала общий вывод: снова в моде большие задницы. Какое облегчение, можно дать своей волю! Дневник я спрятала, это моя тайна. Не хочу, чтобы Энни, когда все-таки придет, поняла, что я его читала.

Доктор Робинсон щурит и без того прищуренные глаза.

– Вы меня заинтриговали, – произносит она, точь-в-точь как мисс Марпл, которая наклоняется к треснувшей вазе. – Захотелось узнать, что дальше.

– Как и с любой книгой.

– Написали продолжение?

– Нет, – отвечаю я и улыбаюсь.

– Как самочувствие?

– Спасибо, хорошо.

– Выглядите лучше.

Придется поверить на слово – в зеркало предпочитаю не смотреться.

– Вы тоже.

Это не совсем правда, глаза у нее припухли – вчера вечером порядком киранула. Зато чувствуется какая-то энергия, необычная легкость походки. И тут меня осеняет!

– А-а-а! – восклицаю я, в свою очередь превращаясь в Агату Кристи.

Понимающе хмыкаю, скрещиваю руки и откидываюсь на стуле, так что его передние ножки отрываются от пола. Нагловато подмигиваю.

Она, на свою беду, отвечает вопросительным взглядом.

– Душке Саю вчера повезло?

Заливается краской. Волосы падают на лицо. Да, я угадала!

– Замечательные новости! Приятно сознавать, что наша коротенькая беседа возымела столь чудесное действие.

Сидит красная как рак. Румянец у нее очень яркий.

– Простите, не хотела вас смущать. Вы покраснели... Удивительно, как тело нас выдает, несмотря на все ухищрения мозга.

Делаю паузу, точно заправский психотерапевт, чтобы она могла присоединиться к обсуждению, ибо тема на самом деле любопытная, а ее к тому же наверняка учили замечать невербальные сигналы. Но нет, она застыла в пародии на самоконтроль: голова чуть склонена, карандаш наготове для пущей важности – и, что весьма мило, по-прежнему старается не отводить глаз – профессиональная гордость. Только не знает, как вернуть беседу в рабочее русло, и я беспрепятственно продолжаю:

– Молодец вы, постарались! Немножко кирнуть – и море по колено? Мне это в вас нравится, вы такая упорная, доктор Робинсон... Заставляли себя чувствовать что положено? Расхрабрились? Рискнули поцеловать?

Надеюсь, она заметила, как я передразниваю ее манеру говорить вопросами. Притворяется, будто ищет что-то в сумочке.

– Вы ничего обо мне не знаете, Констанс, – произносит доктор Робинсон с такой улыбкой, как будто одновременно поджигает анус.

Надо же, назвала меня Констанс! Здорово разозлилась! А вчера была вся такая милая, ни дать ни взять – лучшая подруга... Я не даю сбить себя с толку.

– Учитывая род вашей деятельности... – гляжу в окно на листок, который сегодня утром машет, точно с перепоя, – удивительно, что вы ждете, почти требуете от меня правды, а сами довольствуетесь, извините, таким притворством.

Хочу постичь эту женщину, присланную сюда оценить мое состояние. В идеальном мире я хотела бы ею восхищаться. Если ее мнение имеет такой вес, мне надо хотя бы уважать ее.

– Я скажу вам, что на самом деле удивительно, – невозмутимо произносит она. – То, с каким упорством вы переносите на меня свои чувства...

– О да, это действительно интересно. Очень увлекательно. Хотя совсем не редкость в отношениях между женщинами. Мы вечно ищем связи, общее... А я вправду считаю, что оно у нас с вами есть.

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мою личную жизнь.

Волосы падают на лицо, и она их не поправляет. Самоуверенности явно поубавилось.

– По сути дела, вы правы. Но обсудить все-таки стоит. По-моему, нам с вами надо разобраться, почему вы, я и многие другие ощущаем потребность притворяться и обманывать. Вряд ли ваши резоны сколько-нибудь оригинальны. Финансовая стабильность, ипотека, дети. А может, выбрали меньшее из зол...

Смотрит в упор. Бедняга понятия не имеет, как легко ее раскусить, насколько часто она себя выдает. Когда она вчера пыталась открыть окно, задралась блузка и стал виден живот, дряблый и морщинистый, точно карта рельефа. С блестящими растяжками, как у всех женщин, – шрамами деторождения, которые не исправишь никакой «собакой мордой вниз», «сурья-намаскарой»[3 - «Собака мордой вниз», «сурья-намаскара» – названия асан (позиций, положений тела) в йоге.] и прочей хренью. Мне всегда нравилось в Несс, что плевать она хотела на свой послеродовой животик. Настолько совершенна во всем остальном, что обращать внимание на жир на животе было бы просто неприлично.

На мгновение отвлекаюсь. Когда вновь смотрю на доктора Робинсон, в ее прищуренных глазах сверкает сталь.

– Вечером сюда заедет сержант Аллан. Вы готовы? Предупреждаю, Конни, он не такой вежливый, как я. Миндальничать не станет.

– Ах вот, значит, что вы делаете? Миндальничаете? По-моему, это нечестно.

Душно. Ее кожа лоснится. Губы все в мелких морщинах – от суровой мимики и частого курения. Для зрелой кожи это – смерть.

– Как думаете, Конни, почему вы здесь?

Такая она мне нравится: жесткая, твердокаменная. Мой увагометр ползет вверх.

– Не надо с собой так строго, – замечаю я. – Не расстраивайтесь. Притворяются все. Может, отдельные счастливицы на самом деле что-то чувствуют. Надеюсь... Господи, очень надеюсь, что хоть кто-то в этом мире живет без лжи! Однако для остальных притворство крайне важно. Скажу больше – оно жизненно необходимо. Это фундамент, на котором мы строим свой мир.

Гляжу на листок на дереве. Тишина. Доктор Робинсон размышляет. Потом сознательно идет у меня на поводу.

– По-вашему, в отношениях нет места абсолютной правдивости?

Хороший вопрос. Он возвращает меня на год назад. Я в постели, нашей постели. Я люблю новую кровать: она огромная, удобная, сама по себе – целый дом. Воскресное утро, Карл принес мне кофе, за окном погожий денек. Я всем довольна. Слышу мультики по телевизору на первом этаже и чпоки футбольного мяча Джоша о стену дома...

– Однажды утром, – я поворачиваюсь к доктору Робинсон, – как мне показалось, без малейшего предупреждения, Проныра отхлебнул кофе и заявил, что несчастлив со мной уже много лет.

Смолкаю. Нет сил говорить. Это воспоминание до сих пор повергает в шок. Как можно не замечать, что твой партнер несчастен?!

- Продолжайте, – просит она и в самом деле внимательно слушает.
- В смысле, никто не ждет, что после семнадцати лет брака он будет прыгать от радости. Но он не производил впечатление несчастного.
- И как вы отреагировали?

Молчу, вспоминая, как мы сидели бок о бок на кровати, водитель и пассажир семейного автомобиля.

- Невольно восхитилась его честностью. И все же как только эти слова произнесены, как только высказаны сомнения, обратной дороги нет. Это начало конца...

- Или начало чего-то хорошего...

- Вам не понять – вы пока в безопасности, бултыхаетесь в своем притворстве и несете клиентам всякую галиматью.

Она поправляет волосы.

- Вы считаете, у честности нет шансов?

- Честность приводит к хаосу.

- Отношения меняются, им свойственно развитие.

- Ваш брак с Саем – компромисс?

- А ваш с Карлом?

О, заглотила наживку.

- Я думаю, у отношений больше шансов, если хотя бы на каком-то этапе в них была страсть. Увы, в нашем поколении, среди тех, кто познакомились около тридцати, многие просто пошли на сделку. В отличие от родителей, мы к этому

возрасту уже познали страсть и, следовательно, могли сразу понять, что ее нет. А если у вас с этим человеком вообще никогда ее не было, вы, на мой взгляд, более или менее обречены. У вас с Душкой Саем была страсть?

– То есть вы ратуете за жизнь во лжи?

Я смеюсь и обвожу взглядом комнату, как будто мои обстоятельства говорят сами за себя. Доктор Робинсон не сводит с меня глаз – красивых глаз, голубых, живых и сочувственных.

– Всего лишь предупреждаю, – тихо отвечаю я. – Готовьтесь. «Будь готов! – Всегда готов!»

– Мы говорим о вас с Карлом. Как вы думаете, почему он был несчастен?

Вздыхаю.

– Почему человек несчастен после многих лет брака? Чем лучше знаешь, тем меньше ценишь. Он больше не чувствовал себя любимым, эмоционально, физически. Хотел быть желанным. Он меня раздражал, я его пилила. Видимо, я его кастрировала, лишила мужественности... Интересно, что для лишения женственности специального слова нет. Сам наш язык шовинистичен.

– Вы винили только себя?

Улыбаюсь.

– Я не располагала всеми фактами.

– А бывает так, что у нас есть все факты?

Смеюсь. Первый действительно хороший вопрос. Я даже готова поделиться с нею своим листиком. Смотрю в окно. Сидим молча добрую минуту – просто манна небесная, если оплата у доктора Робинсон почасовая.

– Кажется, он продает дом. – Я опять погружаюсь в печаль. – Можете с ним поговорить? Попросите немного подождать.

– Подождать чего?

– Ух-ух!

Изображаю сову. Просто потому, что умею, – терять уже нечего. Увы, с доктором Робинсон не интересно, она мое дурачество игнорирует.

– Разговоры с Карлом не входят в мои обязанности.

Бюрократ!

– Вы знаете, почему оказались здесь, Конни? – спрашивает она с искренним любопытством, без подвоха.

– Да.

– Расскажите.

– Меня нашли голой у реки...

Явно не тот ответ, которого она ждет. Продолжаю:

– Этому, кстати, есть объяснение.

Доктор Робинсон качает головой. Мои объяснения ее не волнуют.

– Конни, вы знаете, почему вы здесь?

Несколько мгновений играем в гляделки. Пожимаю плечами.

– О'кей. Давайте вернемся к Несс.

– Конечно, – отвечаю я, стараясь ей угодить.

Доктор Робинсон – единственный человек, с которым можно нормально поговорить, и я не хочу, чтобы она уходила.

– Что вас интересует?

– А что вы сами хотите рассказать?

– Правду, – отвечаю я, как примерная девочка.

Доктор Робинсон смягчается – вижу по глазам – и спокойно отвечает:

– Это мне и нужно.

Я передала ей бразды правления, теперь всё по инструкции.

– Итак, вы познакомились в парке, разговорились. Дети играют вместе, вы узнаете кое-что друг о дружке, она тоже хочет писать, делает комплименты...

– Да, это важный момент. В следующий раз я увидела ее, кажется, когда опускала письмо в ящик на углу, точно не помню, столько лет прошло, – мы живем друг от друга за пять домов. В общем, Несс пыталась вытащить Полли из автокресла. Сначала я просто подумала, какая шикарная машина – ретро, красивого голубого цвета... А потом, когда она распрямилась, узнала ее, и – странное дело – она подстриглась точь-в-точь как я! С такой же челкой!

Доктор Робинсон подается вперед, неторопливо меняет местами скрещенные ноги и разглаживает боденовское платье.

– Я это прокомментировала. Думала, она скажет, что скопировала мою прическу, хоть как-то упомянет... Но нет.

– И что вы подумали?

– Что это странновато. Решила, что она не очень отдает себе отчет в своих действиях. Или забыла, что слизала прическу именно у меня.

– Челки носят очень многие. Сплошь и рядом.

– Да, так я себе и сказала. Потом помогла ей отстегнуть ремень автокресла. Меня еще что-то беспокоило, но я никак не могла понять, что... На той же неделе в школе устроили барбекю. Несс и Лия произвели настоящий фурор: Джоунсы – новая, «нетрадиционная» семья! Все о них говорили, из кожи вон лезли, чтобы с ними подружиться. Они смотрелись очень эффектно, привлекали взгляды. Особенно Лия. Лия Уортингтон, телеведущая. Помните ее? В очках, невозмутимая, серьезная, умная, всегда несчастная...

– Я знаю, кто она такая.

Лию окружали ореол успеха и этакая подчеркнутая беззаботность. Находиться рядом с ней было очень странно. В ее присутствии люди менялись: продавцы, официанты, почтальоны, банковские служащие, учителя, директор школы – буквально все начинали хихикать и заигрывать. Иви и Полли привыкли к привилегиям и принимают их как должное – всегда сразу в начало очереди, всегда дружелюбные лица. Несс относится к незнакомцам настороженно, недоверчиво – они вдруг становятся с ней подозрительно любезными, как только рядом появляется Лия...

Доктор Робинсон не повела бровью, но глаза загорелись; ясно, что даже она, хоть и прикидывается невозмутимой, хочет спросить, какая Лия в жизни. Лицемерка, как и все. Напялила благопристойное платье, а на самом деле мечтает посверкать титьками.

– И я была не исключение, невольно поддавалась их чарам. Слава уже рассыпала волшебный порошок...

– А Карл? На него Джоунсы тоже произвели впечатление?

– Наоборот, это Проныра произвел впечатление. Лия решила, что он забавный; я впервые видела, чтобы она смеялась. Он умеет понравиться: атакует обаянием и не отпускает, пока вы не сдадитесь на его милость. Потому и добился успеха в работе. Он не может иначе, ему просто необходимо нравиться. Как ни странно, ему надо нравиться даже совершенно посторонним – бывало, сажал детей на шею в людных местах с громким криком «опля!», чтобы все непременно заметили, какой он крутой отец... Ему очень важно, чтобы его считали

неотразимым... Вот вы наверняка уже так считаете.

– Я с ним незнакома.

– О, еще познакомитесь! Самое смешное, что он и вправду неотразим; ему просто не надо так стараться.

– Как вы думаете, почему он так себя ведет?

Пожимаю плечами.

– Это вы мне скажите, мозгоправ!

Доктор Робинсон кивает, давая понять, что тема исчерпана, и она оставит полученную информацию для будущих обсуждений.

– Вернемся к барбекю. Вы с Несс разговаривали?

– Сначала – нет. Первый раз я видела ее в другой обстановке, сейчас же она была совсем не похожа на ту Несс в парке. Во-первых, тогда у меня сложилось впечатление, что она немного старомодна и чопорна, очень консервативна в одежде. На барбекю Несс совершенно преобразилась и выглядела очаровательно. Намного увереннее в себе – возможно, из-за присутствия Лии, или алкоголь подействовал. Не нервничала и не дергалась. Потом Лия повезла детей домой, а мы с другими мамашами остались на детской площадке, порядком поддатые. И тут из туалета вернулась Несс. К юбке у нее пристал кусочек туалетной бумаги, и ни она, ни я не могли его отцепить. Мы смеялись и дурили; я мазнула по нему шоколадом забавы ради. Наверное, тогда мы и сблизились. Она в самом деле была красавица. Теперь я видела красоту, о которой все говорили. Как я могла раньше ее не замечать? Непостижимо! Словом, я поливала кетчупом клочок туалетной бумаги, а она пыталась его отодрать и так хохотала, что оперлась на меня. Мы оказались очень близко. И вдруг... Бамс! До меня дошло! Запах! От нее пахло тем самым ароматом «Джо Малон»!

– Вашим парфюмом, который она похвалила в парке? – спрашивает доктор Робинсон ободряюще-озадаченно. (А что еще надо от психотерапевта –

чувствовать, что он с тобой соглашается!)

– Да.

– Вы что-нибудь сказали?

– Да! Я сказала: «О, ты купила такой же «Джо Малон»?» А она уставилась, словно понятия не имеет, о чем это я.

– Как необычно!

– Да уж. Мне показалось крайне странным, что она не упомянула наш первый разговор. И опять я подумала, что она, наверное, не очень отдает себе отчет в собственных действиях.

– Как вы себя почувствовали?

– Полагаю, мне это польстило...

– И всё?

– Нет. Еще, пожалуй, что меня обокрали. Не признавая, что скопировала меня, она как будто меня обкрадывала.

Доктор Робинсон кивает. Переваривает информацию, хмурится.

– А какой это был аромат? Просто любопытно...

Улыбаюсь.

– Нет, не тот, что у вас.

Здесь не разрешают парфюмерию, и любой запах сразу замечаешь. У нее проштрафившийся вид.

– Это масло для душа, – сообщает она, оставляя нас обоих с пикантным образом: голая доктор Робинсон льет под горячую струю «Грейпфрут и мандарин». – Вы завидовали?

– Кому?

– Им обеим, их жизни.

Никогда не была особенно завистливой; от природы я уверенный в себе человек. Но сейчас добросовестно стараюсь разобраться в своих чувствах. Джоунсы меня заинтриговали. Мне показалось, что у Несс с Лией действительно страсть. Я позавидовала страсти.

– Наверное.

– Ее красоте?

Улыбаюсь и качаю головой.

– Нет. Я большая поклонница красоты.

Она смотрит на мои шрамы, и последняя фраза повисает в воздухе, а ее эхо разносится по комнате вместе с ароматом мандарина.

* * *

На сержанте полиции Аллане дешевый пиджак в сальных пятнах. Наверняка доктор Робинсон тоже их заметила. Судя по состоянию сумки у ног, она помешана на чистоте. Слабая защелка расстегнулась, и мне видно содержимое. Все разложено по карманчикам: antibактериальные салфетки, прозрачная косметичка, низкокалорийный овсяный батончик, сигареты с ментолом, корешок книги. Подаюсь вперед и разбираю название: «Отель „У озера“». Читали в книжном клубе, Несс ее терпеть не могла. Доктор Робинсон притворяется, что ничего не заметила. Как бы невзначай наклоняется, застегивает сумку и переставляет на другую сторону.

В этом кабинете я впервые; меня провела сюда по веренице коридоров регистраторша. Или тюремщица, не разберешь... Собственно, может, это даже не она, а он – телосложение, как у носорога. Во внутреннем двореке меня сразила свежесть воздуха. Я остановилась, подставила лицо солнцу. Волосы у меня рыжие, а кожа – землистая, истомилась по свету. Как мало я его раньше ценила!.. Носорожиха дернула за руку, и я поплелась через двор за ее тяжелой перекатывающейся тушей.

Прошли мимо Чокнутой Ситы в телекомнате, с руками, так сказать, не при деле. Я ей помахала, а она уставилась в ответ, как будто впервые меня видит. Что скажешь, чокнутая. Здешнее заведение – сущий муравейник коридоров, дверей, линолеумных полов и мятно-зеленых стен. Миновали столовую. Скрипуха смеется о чем-то с поваром; делаю мысленную пометку – похоже, у них любовь-морковь. Она что-то ему говорит, и он перестает улыбаться. Так постоянно: при моем появлении поворачиваются головы и вытягиваются шеи. Удивленно понимаю, что стала знаменитостью. Наверное, в таком положении и Лия, только улыбки не тают.

В комнате, где мы сейчас находимся, в дверь вделана стеклянная противоударная панель. За стеклом виднеется мордоворот, вышагивающий по линолеуму в форме из полиэстера. Окон нет. Слабо пахнет грязными носками Джоша и поп-корном с карамелью. По сути, это допросная. Сбоку от стола установлено записывающее оборудование. Я – с одной стороны, сержант Аллан и доктор Робинсон – с другой. Из нас троих лишь сержант чувствует себя комфортно; он ослабил ворот. Меня привели в наручниках.

В сержанте нет ничего примечательного. Под шестьдесят, седина, красное одутловатое лицо, много пьет. Как будто сошел с полицейского конвейера.

Нет, беру свои слова обратно, кое-что необычное все-таки есть: странный сипящий голос, словно включили туалетную сушилку для рук. Такое впечатление, что ему больно говорить. Мне это знакомо. Мы могли бы посипеть дуэтом.

Сержант достает из папки бумаги; ногти у него обгрызены. Вытаскивает маленькую стопку полароидных снимков, перетянутую резинкой. На секунду решаю, что сейчас покажет фотографии из отпуска. «Это мы с женой в Маргейте...»[4 - Маргейт (Маргит) – курортный город в графстве Кент, на северном побережье о. Танет.] Нет, я ошиблась, лицо слишком серьезное.

Снимает со щелчком резинку и аккуратно откладывает ее в сторону. Я пытаюсь поймать взгляд доктора Робинсон, но она отводит глаза и смотрит на первый снимок. Сержант медленно переворачивает его и неторопливо подвигает мне через стол.

Энни. Лежит на белой простыне, с голым животом, волосы распущены, веки сомкнуты, рот широко открылся, в нос вставлена трубка – как из ее туристического набора. На груди феерические синяки, точь-в-точь как настоящие, темно-красных и фиолетовых оттенков. Нежно улыбаюсь – дочурка превзошла сама себя. Мне суют следующее фото. Опять Энни, с другого ракурса. Перепахканная фломастером разжатая рука покоится вдоль тела – ногти покрашены моим черным лаком, который почти уже облупился. Большой палец отведен в сторону, как будто она говорит кому-то: «Класс!» Наверное, только что вынула изо рта. Тщетно ищу подтверждение, глядя на другую руку, – в ней должен быть клочок заношенного старого меха, который она обычно нюхает, когда сосет палец. Они с Полли странная парочка – если меха нет, то, для пущего удовольствия, Энни нюхает руку Полли. Нередко можно застать обеих на диване за просмотром «Доктора Кто»: Полли терпеливо держит негигиеничный кулак, а Энни нюхает его и сосет палец.

Подвигают очередной снимок. О да, Полли. Тоже на простыне. Образ более сдержанный; Энни переборщила с синяками. В носу такая же трубка – наверное, стащили у Джоша. Ну и влетит им!

Невольно смеюсь.

Поднимаю глаза на сержанта и доктора Робинсон. Они ошарашены и серьезны.

Сержант Аллан резко встает. Наклоняется, упираясь обгрызенными ногтями в стол; на лоб падает седая прядка, лицо покраснело, сиплый голос на удивление спокоен.

– Чтоб вам сгнить в аду, миссис Мортенсен.

Поворачивается и выходит, хлопая дверью. У доктора Робинсон вырывается то ли стон, то ли всхлип.

– Это игра! – объясняю я.

Она отводит глаза и поспешно тянется за сумкой. Надевает жакет.

– Они так играют!

Глава 4

Точно не знаю, когда Несс окончательно меня покорила. Наверное, во время нашей долгой прогулки в окрестностях Бата. Меня поразило, как бесстрашно и уверенно она шагала с картой военно-геодезического управления, в добротных ботинках и синей водонепроницаемой куртке с капюшоном. Я обнаружила, что с радостью следую в неизвестность за этими стройными ногами. Новое для меня ощущение – стать второй по званию! То и дело мелькала мысль: будь я мужчиной, влюбилась бы как раз в такую женщину.

Поехали спонтанно. Несс вышла на работу и занималась галереей в Саут-Банк. Ее командировали в Бристоль обсудить с художником предстоящую выставку. А она, играя вечером накануне поездки в нетбол, вывихнула запястье. Лия была занята на телевидении, и Несс попросила меня свозить ее туда-обратно. Я согласилась.

Выдвинулись из Лондона на моем бэушном-перебэушном ржавом ведре. Прежде наше общение проходило в комфортном семейном контексте или хотя бы в привычной обстановке, а тут мы оказались независимыми – две женщины, путешествующие в большом мире. Мы уже сблизились благодаря детям, которые носились друг к другу в гости без свойственной взрослым сдержанности. Они сломали все барьеры, что часто приводило к стихийным совместным вечерам. Карл, в отличие от многих мужчин, прекрасно чувствовал себя в женской компании (до тех пор, пока оставался в центре внимания), у него было много друзей среди женщин, они ему нравились. А Лия и Несс были нетипичными в том смысле, что водили дружбу с мужчинами вполне традиционной ориентации. И знаете, я даже видела, как Несс откровенно с ними кокетничает – полагаю, лесбийские отношения давали определенную свободу. Брат Лии и Карл тут же стали своими в доску, болели за одну футбольную команду и знали одних и тех же «типов». (Почему мужчинам важно знать всяких типов? Почему они так воодушевленно выпячивают напоказ подобные знакомства? Надеются перенять

часть их качеств?) Мы уже были в курсе истории Несс и Лии: биологическим отцом детей стал их «голубой» друг, ныне живущий во Франции, а биологической матерью – Несс. Меня занимало их прошлое. Лия оказалась стопроцентной лесбиянкой, а Несс до их встречи отличалась исключительной гетеросексуальностью и с предыдущим партнером прожила пять лет. Я думала, что женщины всегда ее привлекали, но она отмахнулась: «Я просто влюбилась, и так получилось, что в женщину». Было жутко интересно, как функционирует их пара, хотелось отследить процесс и навесить традиционные гендерные ярлыки. В каком-то смысле роли действительно отличались. Лия – ближе к мужчине: спортивная, практичная, не тщеславная, красилась только на работу, не носила юбки, напивалась, как мужик, становясь шумной и скептической. А Несс заботилась о партнерше, защищала ее от любопытных, воодушевляла, сражалась с ее вечной депрессией. Несс была более благоразумной, ответственной и, если не считать лесбийских отношений, – исключительно правильной. При этом часто меня удивляла: очень жаловала косячок с «травкой», спокойно могла не спать всю ночь и без зазрения совести пускала газы (чуть слышный невинный пук, но производила она его совершенно беззастенчиво); где-то глубоко в ней жила нарушительница спокойствия.

За сплетнями и обменом последними новостями дорога пролетела незаметно. Несс подключила телефон, и в динамиках теперь звучала композиция Руфуса Уэйнрайта; Несс опустила стекло и то и дело высовывалась, подставляя лицо ветру. «Уезжаю в город». Слышали, доктор Р.? Если нет, найдите в «Спотифай» и представьте нас в машине: стекла опущены, Лондон остался позади, и мы с воодушевлением подпеваем. Один из счастливых моментов, которые, кажется теперь, принадлежат прошлой жизни. Вспоминаю и улыбаюсь. Природа наградила меня не самым мелодичным голосом, зато я стояла первой в очереди, когда раздавали энтузиазм. У Несс, однако, голос действительно приятный (знаю-знаю, талантлива во всем!). К тому же выяснилось, что она лично знакома с мистером Уэйнрайтом – встретились на какой-то богемной тусовке. Как я сказала, она была очень правильная, но по-своему крутая. Или вы к подобным вещам невосприимчивы? Сомневаюсь, иммунитета против славы нет ни у кого. Хотя в конечном счете все разочаровывают. Согласны?

Не хочется опять разглагольствовать о прелести Несс – презираю эту повальную увлеченность красотой, – однако должна сказать, что, первоначально ее не заметив, теперь то и дело поражалась. Мы болтали о силах, которые движут людьми, средневековых лекарях или восхитительном Караваджо (ее любимом живописце), – и я вдруг отвлекалась на потрясающий оттенок ее кожи, огромные карие глаза, неестественно алые губы, которые мог бы воспеть Шекспир (откуда

берется такое полнокровие?), идеальные зубы, изящную миниатюрность, высокие скулы и полные груди. Природа несправедливо расщедрилась; по сравнению с Несс я чувствовала себя топорной и несуразной. Поймите меня правильно: она не была совершенством, но только крайний придира мог бы подло указать на слишком курчавые волосы или толстоватые пальцы – эти мелочи терялись в великолепии целого. При всей неоспоримой женственности Несс, природа одарила ее твердостью, одержимостью и неумной энергией – вполне мужскими качествами. На этой стадии я еще не была сознательно ею очарована, я все еще держалась молодцом. Мне только предстояло быть освеженной и порубленной на куски. Не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление, – я была остроумна, дерзка и по-своему вполне эффектна (на этих страницах не место ложной скромности). Я никогда не сомневалась в собственной привлекательности. Тем не менее я была обычным игроком, а Несс – в премьер-лиге.

Удивительно, как можно натанцеваться в машине. «Темптейшнс» оплакивали несчастную любовь: «Могу построить замок из песчинки, могу вести корабль по берегу... Но детка, как найти к тебе дорогу...» Лучше не скажешь. К обоюдному восторгу, мы обе оказались буквоедками и считали, что плохой текст может начисто испоганить композицию. Лично я так и не простила Принцу «ресторан» в безупречной в остальных отношениях песне. Непростительно – такому слову в ней делать нечего! Впрочем, я отвлеклась... Просто хочу сказать, что вместе слушать музыку – интимный процесс, вроде того, как читать друг у друга отрывки дневников. В обнажении вкусов есть элемент риска, но наши с Несс пристрастия совпали. Если мы и препирались по поводу песни, то полюбовно: убеждали, разубеждали, ставили трек на паузу, разбирали текст, стремились к консенсусу, смеялись или меняли свое мнение.

Несс сделала свои дела в Бристолe, а я погуляла по городу, перекусила сэндвичем у канала и почитала книгу за чашечкой кофе. Мы отправились в обратный путь и поспели бы домой к ужину, но на М4 попали в страшный ливень, и у меня заело «дворник». Опасно – мы как раз двигались по скоростной полосе. Несс хладнокровно махала машинам, пока я, дрожа коленями, не съехала на обочину. Успокаивая, она погладила меня по ноге. Не могу описать, доктор Робинсон, – возникло такое чувство защищенности, какого я не припомню с Карлом. Да, будь я мужчиной, влюбилась бы именно в такую женщину.

Мы позвонили в Ассоциацию автомобилистов и стали дожидаться помощи.

Все последующее кажется чистой случайностью. Из Ассоциации приехали быстро и отбуксировали нас за много миль в сельскую автомастерскую. Оказалось, что «дворник» придется специально заказывать, и придет он не раньше следующего дня – если очень повезет.

Итак, мы застряли в глуши, без определенных планов. Перед нами был, так сказать, чистый лист. Мы позвонили домой, нашли, кто присмотрит за детьми, а потом по совету механика устроились в на удивление приятной гостинице на краю деревни. Заведение пользовалось популярностью у туристов: низкие балки, каменные пол, потрескивающие поленья в камине. Свободен был только двухместный номер, но нас это ничуть не смутило. Сидя у огня, мы в приподнятом настроении пропустили пару пинт местного эля. Как раз пили по второй, когда запищал телефон и посыпались сообщения от Карла: «Где футбольные щитки Джоша?», «Энни потеряла голубой парик», «Ты не купила таблетки для стирки», «Как включается посудомойка?».

Несс не могла поверить, что можно не уметь обращаться с техникой. А я не удивлялась. Я считала это сознательным приемом. Карл был непревзойденным мастером праздности; он превратил свою безрукость в инструмент борьбы за ничегонеделание. И, самое обидное, считал, что я не догадываюсь о его уловках. Как, скажите, он за столько лет не научился ставить тарелки под нужным углом, чтобы не застревало коромысло? Или вынимать чистое белье из стиралки сразу, чтобы оно не воняло канализацией? И вешать его на веревку так, чтобы потом не гладить? Как можно не освоить эти простые хитрости, о которых я талдычила миллион раз? А очень просто! Его главной целью было заставить меня все переделывать, чтобы он мог поднять лапки и обиженно воскликнуть: «Тебе вечно все не так, да, Конни?» Как будто это мне надо, чтобы его мятские тряпки были чистыми и не воняли дохлой псиной! Мы с ним всегда зарабатывали одинаково. На какой же это стадии я записалась в прислугу?

Доктор Р., вы спрашивали, завидовала ли я. Я вам скажу, чему завидую: когда идешь мимо комода, где оставил стопку чистого белья, и обнаруживаешь, что кто-то уже разложил его в шкафу! По моим стандартам, это любовная прелюдия. Вернуться домой и увидеть, что стол чисто вытерт, – без малого оргазм! Лия не только читает растреклятые новости на Би-би-си, она еще поправляет покрывало на диване, прежде чем пойти спать, и не мочится мимо унитаза. Да! Я завидую!

Сейчас я себя немного накручиваю, но вы должны понять, доктор Р., – может, и понимаете: отношения убивает именно мелкая расхлябанность; она, точно жучок, подтачивает вполне прочную конструкцию.

Мы выпили еще пива и сытно поужинали. Любопытно – мы с Несс (в отличие от вас с вашей низкокалорийной лошадиной белибердой) принадлежим к меньшинству женщин, которые никогда не взвешиваются и не сидят на диетах, что автоматически исключает целую кучу убийственно нудных бесед. Наевшись, мы вырубались, опухшие и пузатые, на кровати со взбитыми подушками и балдахином.

На следующее утро мы сидели за столом состаренного дерева, позвякивали белым фаянсом, листали газеты и вдыхали аромат тостов. В половине одиннадцатого позвонили механику и услышали, что «дворник» доставят только утром следующего дня. Минуту поизумлявшись, что человеку может помешать какой-то «дворник» (механик заявил, что с неисправными «дворниками» ехать, строго говоря, запрещено), ни одна из нас особо не расстроилась; выдался неожиданный и желанный перерыв в повседневной рутине. Сдавать статью мне надо было лишь через несколько дней; начальник Несс оказался покладистым. Мы предупредили родных, поболтали с парой за соседним столиком и решили прогуляться – на сей раз как следует. Сфотографировали их карту. Несс, всегда одетая сообразно обстоятельствам, уже облачилась в кроссовки; мои лежали в багажнике. За овсянкой с вареными яйцами выбрали направление. Остановились на восьмимильном круговом маршруте до озера и обратно. До чего же было весело! В каком-то смысле я всю жизнь ждала Несс: искательницу приключений, единомышленницу в философии «лови момент».

Владелец гостиницы одолжил нам рюкзак и предлагал резиновые сапоги, но мы отказались. Несс мастерски паковала вещи: бутылка с водой, купленный тут же кендалский мятный пряник... Она тщательно скрутила синюю норвежскую куртку (в каких умирают на Эвересте) и аккуратно засунула ее в боковой карман. С потрясающей дотошностью проверила все отделения.

– Знай я, захватила бы компас... У тебя плащовка есть?

Я увидела ее с новой стороны: она была самую чуточку командирша. Впрочем, я не возражала, мне даже нравилось. Кроме того, в кои-то веки не приходилось триста раз спрашивать, все ли пописали, взяли свитер и так далее. Сегодня я спрашивала только себя.

Плащовки у меня не было.

– А в багажнике? – удивленно переспросила Несс.

Наверняка у нее дома собран специальный рюкзак с аптечкой, компасом, сигнальными огнями и парой альпинистских «кошек» – в отличие от моей дамской сумочки с помадой и тампонами. Заглянули в автомастерскую, где она обменялась любезностями с механиком, а я надела кроссовки и куртку-«пилот» из «топшопа». Настоящая городская идиотка. Кошмар! Ладно, по крайней мере, в случае эвакуации на вертолете буду хорошо выглядеть. «Слава те господи, ее обмороженные щеки подходят по цвету к свитеру».

К счастью для меня, погода выдалась дивная (мы вполне доехали бы домой), и окрестности Бата оказались великолепны.

Мы познакомились немолодыми и многое друг о друге не знали. Поэтому решили взять интервью, пройдясь, не обязательно по порядку, по всем периодам жизни. Спрашивать разрешалось что вздумается. Любые вопросы приличны, никаких запретных тем. Сказанное в окрестностях Бата здесь и останется. Таков был наш девиз. Она задаст мне вопросы по дороге к озеру, я ей – на обратном пути.

Двинулись вдоль реки по пологому берегу. Несс была так уверена в себе и карте, что я с удовольствием позволила ей руководить. Она знала про Юрское побережье и формирование геологических пластов. Мы любовались деревьями, которые встречали нас ярким золотом и киноварью. Тепло было, как в июне, и вскоре мы запахали свитера в рюкзак. Всякий раз, как доходили до развилки, Несс сверялась с картой в телефоне. Я полностью на нее положились. Хотя почему именно она несла рюкзак и карту? Мне нравилась ее занудливость, то, как она вела пальцем по красной пунктирной линии, разбиралась в картографических символах. Вначале хотелось перепроверять – я привыкла быть вожаком стаи, – но вскоре окончательно передала бразды правления. Мне нравилось чувствовать, что мной управляют, – новое и, возможно, женское чувство, к которому я не очень привыкла. Впервые за много лет я отдавалась в чью-то власть.

Сначала спрашивала она. Как только перешли реку и у нас появился ясный визуальный ориентир, разговор начался всерьез. Ее интересовало, как познакомились мои родители, и пару часов спустя, к тому времени как мы

поднялись на вершину, я поведала о рождении брата Дэвида, своем собственном появлении на свет, ранних школьных годах, значимых фигурах детства, друзьях (очень подробно – о лучших подругах Грейс и Элли), подростковом периоде и кратковременном первом замужестве. Вопросы Несс были въедливыми, однако тактичными, любопытство – неподдельным. Она, как заправский журналист, легко поддерживала беседу, возвращала ее в нужное русло, строила связи и указывала на закономерности, параллельно потчует меня мятным пряником и давая попить воды.

Мы поднялись на хребет, и нашему взору открылось озеро. Синее, как небо, аж дух захватывало! Чудесно путешествовать с кем-то, кто тоже ощущает силу природы. Подлинное единение. Карл оставался к природе на удивление глух. Будь то изрыгающий лаву Везувий или обыкновенный закат, мне приходилось специально привлекать его внимание. Он останавливался, глядел и пытался впечатлиться, поскольку знал, что положено что-то чувствовать. Красоты пейзажа блекли, а расстояние меж нами росло. Тогда Карл сближал нас при помощи шутки, почти извиняясь за отсутствие у себя восторга. «Рай для художника! – восклицал он. – Надо было захватить акварель!» Понимаете, умен был. Мы нашли рабочую схему: подменяли чувство единства смехом. Смех стал объединять нас, что в своем роде даже неплохо. С Несс было иначе: мы говорили на одном языке, останавливались и смотрели на озеро в одно и то же время, просто потому, что останавливались и смотрели.

Пока дошли до озера, обе взопрели. Сняли носки, кроссовки и сели на пустынном берегу, болтая ногами в воде и нежась в теплых лучах солнца. Я побрызгала ледяной водой на лицо и волосы. Доели пряник. Несс вдруг села, вытащила из рюкзака куртку, расстегнула молнию кармана и извлекла на свет божий недокуренный плоский бычок и зажигалку.

– Да! – удовлетворенно воскликнула она. – Я же помню! Курили с Лией на прошлой неделе!

«Травка» по какой-то причине вышла из моды – родительские обязанности изгнали нариксов из допропорядочного общества. (Наркотики – это же так низко, да, доктор Р.?) Несс провела бычком у меня под носом и закурила. Момент блаженства, из тех, о котором мечтаешь в переполненном метро.

Мы лежали на траве, наши пальцы поблескивали в воде, кожа ощущала тепло солнца; вокруг кружили пчелы и прочие насекомые, то и дело пикируя, чтобы

выяснить, стоит ли нас опылять. Я наблюдала за орлом высоко в небе. Несс приподнялась на локте. Она была совсем близко, я чувствовала ее запах. Она пахла мной. Мной без пота (она больше соответствовала женскому архетипу). Протянула мне бычок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

День памяти павших, известный в народе как Маковый день, – памятный день в странах Британского Содружества наций, отмечаемый ежегодно 11 ноября; в это время чествуют память всех солдат Британского Содружества, погибших в конфликтах с участием Великобритании.

2

Магалуф – пляжный курорт в юго-западной части Мальорки.

3

«Собака мордой вниз», «сурья-намаскара» – названия асан (позиций, положений тела) в йоге.

4

Маргейт (Маргит) – курортный город в графстве Кент, на северном побережье о. Танет.

Купить: https://telnovel.com/deniels_natali/kukushka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)